

№10

литературный журнал

07|24

НАТЁ

VS

Редакторское бюро Марии Головей

рассказы

18+

содержит
нецензурную брань

№10

литературный журнал

07|24

НАТЁ

VS

Редакторское бюро Марии Головей

рассказы

18+

**содержит
нецензурную брань**

Главный редактор: Мария Тухто

Сост. выпуска: Мария Головей

Редактура:

Ирина Натфуллина

Виктория Сайфутдинова

Яна Козлова

Маргарита Данилова

Дизайн макета:

Светлана Подаруева

Иллюстрация на обложке:

Виктор Лукьянов

Иллюстрации:

Анна Боронина

Анастасия Дорожкина

Валерия Жданова

Вика Левотаева

Виктор Лукьянов

Светлана Подаруева

Верстка: Мария Тухто

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://natelit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

Рукописи не рецензируются.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна

Тренды на литературу травмы, автофикциональные исследования себя и своей идентичности, разнообразная, но сшитая по жестким лекалам жанровая проза отодвинули на задний план многие интересные вещи в прозе — например, тему карнавала и смеховой культуры по Рабле и Бахтину или тему двойничества. Вы справедливо заметите, что современный читатель, скорее всего, не заинтересуется ни Гаргантюа с Пантагрюэлем, ни в целом историей про средневековые нравы, поэтому нечего рассказывать о Рабле, о серьезном ученом Бахтине и прочем. Однако перед вами выпуск журнала «НАТЕ», составленный из рассказов, ярко демонстрирующих, что у писателей есть и идеи, и сюжеты, и интерес к такой сложной и необычной теме. И не только ученые-медиевисты вроде Умберто Эко (романы «Имя розы» и «Баудолино») и Евгения Водолазкина (роман «Лавр») создают свои шедевры в духе Рабле и средневековых литературных традиций, но и современные молодые авторы пробуют себя в подобной проблематике.

Чтобы нам с вами одинаково понимать тему, приведу цитату из книги Михаила Бахтина «Творчество Франсуа Рабле...»: «Празднества карнавального типа и связанные с ними смеховые действия или обряды занимали в жизни средневекового человека огромное место. Кроме карнавалов в собственном смысле с их многодневными и сложными площадными и уличными действиями и шествиями, справлялись особые “праздники дураков” (*festa stultorum*) и “праздник осла”, существовал особый, освященный традицией вольный “пасхальный смех” (*risus paschalis*). Более того, почти каждый церковный праздник имел свою, тоже освященную традицией, народноплощадную смеховую сторону. Таковы, например... “храмовые праздники”, обычно сопровождаемые ярмарками с их богатой и разнообразной системой площадных увеселений (с участием великанов, карликов, уродов, “ученых” зверей). Карнавальная атмосфера господствовала в дни постановок мистерий и соти. Царила она также на таких сельскохозяйственных праздниках, как сбор винограда (*vendange*), проходивший и в городах. Смех сопровождал обычно и гражданские и бытовые церемониалы и обряды: шуты и дураки были их неизменными участниками и пародийно дублировали различные моменты серьезного церемониала... И бытовые пирушки не обходились без элементов смеховой организации, — например, избрания на время пира королей и королев “для смеха” (*roi pour rire*)»¹.

¹ М.М. Бахтин «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». — М.: Худ. лит., 1990. С. 9–10.

Видим ли мы в современной жизни отголоски указанных традиций? Конечно, видим! Повсеместно проходят веселые фестивали (от пивных и гастрономических до книжных и музыкальных!), церковные праздники зачастую продлеваются дальнейшими народными гуляниями и так далее. Просто современный человек не задается вопросами, смеялся ли Христос и не грешно ли смеяться простому смертному².

Кратко расскажу, какие же аспекты карнавала и народной культуры исследовали авторы этого выпуска: тема двойничества — через маски и типичных карнавальных персонажей; классическая тема продажи души дьяволу, отсылающая читателя к народной культуре и произведениям Гете, Гоголя, Булгакова; мексиканский и венецианский карнавалы; наиболее экзотичными выглядят исследование татарского праздника Сабантуй, индийского маскарада Дивали и фестиваля в Боливии; а также славянская мифология, обрядовость и сказочные элементы.

Мне кажется, интересный карнавальный микс у нас получился. Так что скорее за мной, дорогой читатель!

Мария Головей,

*к.ф.н.,
руководитель редакторского бюро*

² См., например, роман Умберто Эко «Имя розы».

Оглавление

Артем БЕНЦЛЕР: Маскарад безмолвия	7
Мария ВОРОБЬИ: Испанская рубаха	16
Юлия ЕВДОКИМОВСКАЯ: Как родился карнавал	24
Глеб ОКЕАНОВ: Бесовский романс на святочном балу....	29
Анна ПЕСТОВА: Вечный танец	37
Лада БАСКИ: Доверьтесь маскам	40
Дарья РАЙНЕР: Театр жизни.....	47
Виктория ЗИНИНА: Санта Муэрте	57
Дарья ЛУКЬЯНЧИКОВА: Баядера.....	58
Элиза ЛИДАНОВСКАЯ: Перстень и лягушачья шкурка ..	73
Анна ЛИПОВА: Чудо-юдо	79
Аделя МОБИУС: Шурале	86

Родился в Семипалатинске (Казахстан), долгое время жил в Калининграде, в 2008 году переехал в Питер. 5 лет учился на менеджера по специальности «Государственное и муниципальное управление», а работаю менеджером по продажам «лежачих полицейских». Ранее нигде не публиковался. Книголюб со стажем. Ветеран грамматических войн. Почитатель авторского и архаусного кино. Веду tg-канал «Книжный буфет», где иногда выкладываю свои отзывы на прочитанное / просмотренное, мысли, фото и всякие заметки. Женат на самой лучшей женщине на свете.

МАСКАРАД БЕЗМОЛВИЯ

Больше всего на свете Ирма не выносила болтовни о былом и печенье «Мария». «Чего лезть в прошлое, когда есть настоящее? — недоумевала она, с гадливостью задвигая пачку печенья в дальний угол подвешного шкафчика. — Кто старое помянет, тому глаз вон». Поэтому Ирма никогда не вспоминала о своем детстве и не читала исторических книг, считая, что прошлое и так живет внутри нас, да и хватит с него. Ирма представляла память как гигантский виртуальный архив, в сейф-ячейках которого хранятся бесконечные терабайты воспоминаний.

Больше всего на свете Ирма любила пирожки, дочку и уличные праздники, но любить было мучительно стыдно, потому любила она их не явно, а тайно, крепко схоронив свои чувства глубоко в сердце. Жизнь, Ирма была в этом уверена, не должна быть слишком легкой, простой и праздной, иначе что тогда преодолевать и как учиться смирению? Слава Богу, радовалась она, собираясь на воскресную службу, Господь не оставил ее в этом желании, с лихвой отсыпав трудностей: у нее была хоть и любимая, но нерадивая дочь и так себе недотепа-муж.

По воскресеньям Ирма всегда бывала на службе.

В битком набитом молитвенном доме, куда они поутру пришли вместе с дочкой, стояла обычная для того часа духота. Прихожане мокли подмышками, прилипали к скамьям. По спинам стекали,

щекоча, струйки маслянистого пота. На сцене надрывно визжала электрогитара, усердно гремели тарелки и барабаны. «Я к Тебе, Господь, взываю...» — заламывала руки белобрыся певица, приблизив вплотную губы к сеточке микрофона, отчего звук безбожно фонил. Не взирая на духоту, люди дружно хлопали в ладоши и громко подпевали, совершенно не заботясь о том, чтобы попадать в ритм.

Ирма скосила глаза. Справа от нее восседала дородная тетя Марийка на пару со своим худосочным облезлым мужем. Прижав ридикюль к груди, она хрипловатым надтреснутым голосом увлеченно выводила незамысловатые гимны, не забывая при этом оценивающе таращиться на окружающих — один в один как ее вздорная матушка. Слева от Ирмы, примостившись на краешке жесткой скамьи и неестественно выпрямив спину, сидела ее дочь Мари. Почувствовав пристальный взгляд, она вздрогнула. «Что случилось, мамочка?» — побледнев, спросила дочка. Лицо Ирмы мгновенно вытянулось. На щеках выступил огненный румянец. «Тише! Тс-с-с! — гневно зашипела она, осторожно поглядывая по сторонам. — А ну-ка замолчи и не мешай остальным!»

8 Ехидно улыбаясь, к ним влоборота развернулась тетушка Марийка. Она осуждающе покачала головой и преувеличенно тяжело вздохнула, ткнув в бок своего мужа, который, нахмурившись, нервно тербил рукав поношенного пиджака и беспрестанно сглатывал. «Вечно дочка лезет с расспросами в самый неподходящий момент! — рассердилась Ирма. — И эти еще как назло вылупились!» Напустив на себя равнодушный вид, она немигающе уставилась на сцену-порожек, на которой как раз закончили играть музыканты. Побросав гитары и барабаны, они расположились на задних рядах зала, а их место у микрофона занял высокий молодой пастор. Мари радостно его поприветствовала и не столько услышала, сколько почувствовала, как мать недовольно фыркнула.

Дочь невесело усмехнулась. «Вот бы мне стать Мореттой. Мамочка точняк бы заценила». Ирма очень любила праздники и особенно маскарад — она наперечет знала все карнавальные маски и мечтала когда-нибудь съездить в Венецию, хотя старательно это от домочадцев скрывала. Мари крепко зажмурилась и взмолилась: «Господи, дай мне знак, как претерпеть это! Научи меня стойкости!». Но ничего не произошло. Здорово разозлившись, девушка подождала еще какое-то время и только потом вспомнила, что Господь не раздает знаки направо-налево. Ирма, словно что-то почуяв, беспокойно заерзала на месте.

Внезапно у Мари противно защипало в глазах, кожа на щеках съежилась, заметно стянулась к носу, во рту откуда ни возьмись появился металлический штырек. Она с удивлением ощутила, как лицо, словно броней, покрывается бархатистой овальной маской. Мари замерла. Неожиданно проступившая, словно снимок на глянцевой фотобумаге, Моретта вздохнула. «Молчи, Мари! — приказала она девушке. — Не расстраивай мамочку!»

Мари испуганно огляделась. Прихожане, опасливо косясь на соседей, тихонечко переговаривались между собой. Моретту никто не замечал. Широко расставив ноги, пастор выжидающе поглаживал гладко выбритый подбородок. Волевым усилием подавив зевок, он, наконец, энергично постучал ногтем по микрофону. Ирма встрепенулась. Мари-Моретта послушно склонила голову. Прокашлявшись, пастор начал проповедь. Говорил он весьма уверенно, складно, как по бумажке. Где надо возвышал голос, а где надо, наоборот, скатывался до еле различимого шепота. Проповедовал нравоучительно, без запинки, с некоторой даже профессиональной ленцой и скукой.

— Что я еще могу сделать для ближнего своего? — пастор скромно потупился в пол. Затем сдержанно обведя всех внимательным взглядом, уже громче повторил. — Задайте себе вопрос: что я еще могу сделать для ближнего своего? И что я еще могу сделать для Бога?

Ирма напряженно вслушивалась. «Что я еще могу сделать для ближнего своего? — размышляла она. — На свете столько нищих и обездоленных... Бедняжки... Помолюсь за них вечером!» Пастор воздел ладони кверху и торжественно воскликнул: «Аминь!». опережая всех, Ирма часто-часто закивала, затрясла головой. Вскочив со скамьи и протягивая к пастору худощавые руки, пылко затараторила: «Аминь! Аминь! Аминь!». В унисон с ней все закивали, закачали согласно головами. Муж тетушки воодушевленно захопал себя по бедрам и по коленям, яростно засучил ногами по полу. Тетушка Марийка, спрессовав подбородки, расплылась в довольной улыбке. Она старательно обвела прихожан глазами, запоминая недостаточно активных и участливых, чтобы взять их «на карандаш».

«А теперь воздадим дань Господу нашему», — строго подытожил пастор и многозначительно замолчал.

Ирма плюхнулась на скамью. Рядом с ней, сложив руки в замок и возвышаясь над матерью, беззвучно молилась дочка. Спрыгнув со сцены, пастор стремительно приблизился к ней. Мягко улыбнувшись

и по-отечески благословив, он наклонился к Мари и что-то зашептал ей на ухо. «Позерка! Вся в отца!» — Ирму обдало жаром, и она вскочила, зашатавшись, как пьяная. Заслонив дочь, она ухватилась за пуговицу на рубашке пастора и забросала его наспех придуманными вопросами. Ссутулив плечи и виновато поежившись, Мари опустила на место.

Кидая купюру в пущенную по рядам коробку для подаяний, Ирма невольно задумалась о «ближних своих»: может быть, в этот раз пожертвовать больше? Сомнение заняло долю секунды. Ей стало нестерпимо жаль денег... еще эти нескончаемые кредиты... и Ирма отдернула руку, опустив в прорезь как обычно. «В следующее воскресенье обязательно кину побольше», — пообещала она сама себе и, повеселев, отправилась в приходскую столовую разделить общую трапезу, подспудно догадываясь, что в следующее воскресенье пожертвует ровно столько же, сколько и всегда.

Жуя вкусные пирожки, которые напекла одна из прихожанок, Ирма ненавязчиво поглядывала по сторонам. Сами они с дочкой принесли только пресный хлеб, который удачно купили по акции в супермаркете неподалеку.

10

«Что я еще могу сделать для Бога? — продолжала размышлять Ирма. — Я вроде и так каждое воскресенье на службе славлю Бога. Скидываюсь, вон, в общак. Добровольно несу служение. Ни словечка упреков от меня, ни жалоб. И дня нет, чтобы я не прочла несколько страничек из Библии, даже когда спать охота и нет особо желания. Никаких грехов отроду за мной не водится. А какие есть — те замаливаю. Чего еще от меня хотят-то?»

Отодвинув пустую тарелку, Ирма обратилась к ближайшей соседке: «А как ваши детки поживают-то?», но не дав той вставить и слова, с усердием принялась нахваливать собственную дочь, ибо у кого, как ни у нее, самый умный и талантливый ребенок — гордость и отрада добропорядочной матери. «Это всё мое воспитание», — хвасталась она, непринужденно откинувшись на спинку стула и сыто поглаживая себя по округлившемуся животу. Мари молча разглядывала узор на скатерти. «Ну чего ты сгорбилась-то вся? А ну, сядь прямо!» — Ирма закинула ногу на ногу и сдавленно рассмеялась, незаметно пихая дочь локтем в бок. Покраснев, Мари выпрямилась. Перебрав все достоинства дочери, мнимые и настоящие, Ирма спохватилась: «А что, нынче праздник-то будет?» — как бы невзначай осведомилась она у розовощекой дебелой девки, вольготно развалившейся за столом. «Да куда ему деться, тетя, будет... будет... Энтим вечером на площадь-то приходите», — хитро подмигнула та.

«Ну и славно», — успокоилась Ирма. Дочка, закусив губу, сдержанно улыбнулась.

Съев еще пирожок («Это точно последний!»), благодушно настроенная Ирма принялась снисходительно разглагольствовать о том о сем. Соседки шумно галдели. Ирма упивалась славой. Мари с усилием выплюнула штырек и маска Моретты рассыпалась в пыль, бесследно растворившись в воздухе. Осмелев, девушка вклинилась в разговор. Ей, как никак, уже шестнадцать. Мать недовольно поморщилась. «Опять чушь несешь, доча, — сердито прервала она ее и, как бы извиняясь за бестолковость дочери, которую только что перед всеми превозносила, развела руками. — Уймись и не приставай к людям. Такую скукоту навела на всех, что тобой только детей пугать».

Ирма очень любила быть в центре внимания и терпеть не могла конкуренции.

Вспыхнув, дочь сконфуженно замолчала. Медленно преображаясь лицом в непроницаемую квадратную маску Бауты, Мари вдруг отчетливо произнесла: «Мама, чушь городишь у нас только ты». Ирма скривила губы. «Как ты с матерью разговариваешь, бессовестная? — притворно захихикала она. — Дома поговорим». Мари-Баута пристыженно впиалась ногтями в колени. Маска испарилась. Ирма вздохнула. Опять ей приходится испытывать неловкость за дочь, но услышав, как кто-то неверно трактует Писание, тут же отвлеклась, ибо, само собой, никто лучше нее не понимает Библию.

Оказавшись на улице, они с дочкой пешком направились домой. Оборванные попрошайки, которых кругом видимо-невидимо, плелись позади них, канюча и хватая за полы одежды. Беременные алкоголички, вопили, широко разевая чернозубые рты, выпрашивая на опохмел. Голодные дети исподлобья посматривали на них, кривя маленькие серые личики. Калеки, прилипшие гниющими конечностями к рваным картонкам, с ненавистью плевали под ноги прохожим и тут же жалобно клянчили у тех денег. Ирма с отвращением закатывала глаза и цокала языком. «Шел бы работать, бездельник», — бросила она через плечо нищему, распластавшемуся перед ней ниц, брезгливо перешагнув через его костлявое смердящее тело. Мари была удручена и как обычно немногословна. Помрачнев, она понуро брела вслед за негодующей матерью. Перед самым домом они всё же немного разговорились. «А хорошая всё-таки у меня дочь, — удовлетворенно подумала Ирма. — Вся в меня».

Дома уже ждал муж. В единственный выходной сходя в магазин, приготовив обед на всю семью, перестирал и развесил белье, он только после этого позволил себе улечься на стареньком диване перед телевизором, рассеянно следя за хоккейным матчем. Вскочив, он сначала поздоровался с дочерью. Холодно поцеловав Ирму в макушку, переместился в свою спальню, оставив дверь нараспашку. Они уже давным-давно спали в разных комнатах. «А мог бы и пыль протереть. И полы помыть, — раздосадовано крикнула Ирма. — Всё только на мне держится. Без меня грязью бы зарос со своей доченькой на пару!»

Показавшись в дверном проеме, муж удивленно посмотрел на нее и осторожно прикрыл за собой дверь. Мари лишь успела заметить печальное бледное лицо бедняги Пьеро. Отец постоянно закрывался в своей спальне и сидел там один-одинешенек, появляясь на кухне только чтобы набрать тарелку еды и снова спрятаться в комнате-склепе. Стоило только ему показаться на глаза жене, как та начинала его пилить. Она вечно была недовольна. После работы или в выходной, когда матери не было дома, отец прилежно занимался хозяйством и даже немного оживал, болтая с дочерью о всяких пустяках.

12

Отец очень любил мать, но та не позволяла ему этого.

Почему родители не разводились — Мари не знала, а может быть, догадалась она, так живет большинство семей.

«Кругом одни дармоеды. Лодыри», — презрительно скривилась Ирма, усаживаясь поудобнее в кресле с томиком Библии. Воскресенье — особый день, когда после службы она может спокойно поразмышлять над Писанием. «Яблоко от яблони недалеко падает». Мари тоже исчезла из поля зрения матери, незаметно ретировавшись в свою комнату. «У всех в этой чертовой квартире свои комнаты!» — в сердцах чертыхнулась Ирма и тут же осеклась. В квартире стояла привычная тишина. Ирма тяжело вздохнула. Так всегда было?

Когда опустились сумерки и читать стало некомфортно, Ирма всполошилась: не поздно ли? Но бросив взгляд на часы, успокоилась. Муж отказался с ними идти, сославшись на больной живот. Впрочем, ничего другого она и не ожидала. Неблагодарный, как и его любимая доченька. Все они неблагодарные. «Пойду прилягу, — равнодушно проронил он, закрывая за ними дверь. — А вы идите, развлекайтесь!» Невольно засмотревшись на грубые руки мужа, Ирма вдруг задумалась, как давно они не касались ее. Год, два? Больше? Как вообще они с ним смогли зачать Мари? «Давай шевели ногами,

клуша», — проворчала она, легонько подталкивая дочь в спину. Они спустились на улицу. «Вылитая отец, — пробурчала Ирма, украдкой разглядывая неуклюжую фигуру Мари. — Не в меня, конечно». Рядиться в костюмы и маски они не стали. «Вот еще. Это грешно! Малеваться только чертям на потеху!»

«Мамочка, — тихо обратилась к ней Мари, когда они подходили к главной площади, запруженной веселыми и гоготающими ряженными. — Почему ты нас с папой так не любишь?» Ирма внутренне сжалась, но не подала виду. Она вздернула нос и, нахально расталкивая всех, полезла в гущу толпы, притворившись, впрочем, как и всегда, что ничего не услышала. Повсюду горели факелы и костры, брэнчала веселая музыка. Загустевшая ночь окутывала окрестности. Дамы в кринолиновых платьях, в шляпках с перьями, в изящных и затейливых масках, мужчины в трико «домино», миниатюрные карлики, шпагоглотатели, выдуватели огня, цыганки в цветастых юбках, с массивными золотыми браслетами на смуглых запястьях, заклинатели змей, загадочные факиры, лотки со сладостями, будки предсказателей... Ирма так ждала этого праздника, но сейчас досадовала, что не ощущает того возбуждения и радости, которые, казалось, сочили от всех, кроме нее. Дочка неожиданно вцепилась в локоть матери. «Ой, напугала, чего хватаешься, как ненормальная?» — возмущилась Ирма, вздрогнув, словно от удара током. В глазах помутнело.

13

Неожиданно перед ними, загораживая путь, выскочили полупьяные, перемазанные сажей сиамские близнецы. На двух головах, росших из одной шеи, играли две безумные полуулыбки. Близнецы, кривляясь и паясничая, во всё горло затащили похабную песенку. Ухмыляясь, они недвусмысленно изображали жестами, что бы они сделали с Ирмой и Мари, окажись они наедине темной ночью да в глухом переулке. Перепугавшись, Ирма шарахнулась в сторону. Мари, вскрикнув, бросилась в толпу, которая окружила и мгновенно поглотила ее. Ирма так и не смогла отыскать дочь глазами. В спешке удирая от близнецов, Ирма расталкивала хохотавших и гримасничавших гуляк, всё больше увязая в чьих-то ногах, сплетениях рук, в гогочущем лающем смехе, плевках, щипках, в обидных выкриках, похотливых просьбах, в потных телах, разгоряченном дыхании, в болезненно сверкавших зрачках, пока, обессилев, не упала на землю, откуда под переливчатый звон бубенцов ее не поднял кривляющийся Шут в ярко-кислотных обтягивающих лосинах.

Осклабившись, Шут потряс колпаком, вновь вызвав причудливый нестройный перелив колокольчиков. Ирма хотела уйти, но Шут, дурачась, покрепче обхватил ее за талию и не дал развернуться. Красные круглые щечки его горели пламенем. Рот был вымазан красной помадой. Из-под колпака ломким сухоцветом жестко топорщились длинные волосы. «Мамочка, обними деточку, — противным голоском захныкал он. — Мамочка, мне так не хватает любви! А тебе?» Ирма попыталась вырваться из объятий сумасшедшего, но тот надежно держал ее, не давая пошевелиться. Вокруг надрывались от смеха чумазые голодранцы-дети. Кто-то из них кинул в Ирму каштан, больно попав по виску. Ирма вскрикнула. Шут, запрокинув голову, под безудержный перезвон бубенцов застонал от хохота, сверкая крупными, лошадиными зубами.

14 «Мамочка слишком строга ко всем. А к себе мамочка строга? — проблеял Шут, состроив ехидную рожицу и высунув язык. — «Мамочка много молится. Мамочка не пропускает службы. Мамочка исправно кидает пожертвования. Значит ли это, что мамочка — хорошенькая христианка? Эй, пьянь-рвань, мамочка — хорошая христианка, я вас спрашиваю?» Толпа застонала, заскрипела, заухала. В Ирму полетели бутылки, камни и мусор. «Что, я вас не слышу? — кривлялся Шут, подставляя ладонь к уху. — А? Что? Гореть ей в аду? Никого, кроме себя, не слышит? А? Никого, кроме себя, не любит? Так, мамочка, у меня для тебя плохие новости. Говорят, ты никакая не христианка, а фальшивка!» Толпа одобрительно загудела. В воздухе горько запахло гарью. Ирма прерывисто задышала. Ее словно парализовало. Она не могла произнести в ответ ни слова. Разбитый висок страшно ныл. Тьма наравне с огненными всполохами от факелов плясала на разукрашенных лицах и бесполых масках, сгрудившихся вокруг зевак. Крики и улюлюканье нарастали. Ирма рванулась вперед. Шут, потешаясь и визгливо мяукая, расцепил руки. Она с воплем ринулась в толпу, продавливая плотные ряды, царапаясь, кусаясь, отбиваясь руками, ногами, зубами, пока маски, черти, скоморохи и прочий разодетый загримированный люд цеплялись за нее, тянули карманы, рвали на ней одежду, хватали за волосы, подставляли подножки.

Вырвавшись на свободу и отбежав на безопасное расстояние, Ирма наскоро отдышалась и тут же позвонила Мари. Ее бил сильный озноб, пока она слушала безразличные монотонные гудки. Телефон скакал и брыкался, ходил ходуном. «Я уже сплю, мамочка. Давай утром поговорим, а?» — сонно ответила та и положила трубку. Не разбирая дороги, Ирма в страхе понеслась домой, придя в себя только на пороге квартиры. Дрожащими руками она открыла входную

дверь. В коридоре было темно. Не зажигая света, она кинулась в комнату дочки. Та, мирно посапывая, крепко спала. Ирма облегченно выдохнула и, негромко всхлипывая, поправила на ней одеяло. Потрогав висок, с ужасом убедилась, что рана исчезла. Постояв еще некоторое время у изголовья кровати, на негнущихся ногах направилась к выходу. Закрывая тихонечко дверь, она услышала, как в комнате что-то мелодично звякнуло.

«Мари, ты что так поздно?» — во тьме коридора, зевая во весь рот и лениво почесывая затылок, материализовался заспанный муж. «Я не Мари, ты меня спутал. Я Ирма. Мари спит уже», — шепотом подсказала Ирма полусонному мужу. Он удивленно облокотился о стену. «Что за шутки, Мари? Я что, жену родную в темноте не узнаю?» Ирма недоумевала: что происходит, о чем это он? «А кто по-твоему тогда спит в комнате нашей дочери?» — раздраженно воскликнула она, опасаясь ответа и оттого задрожав всем телом. Муж спокойно притянул ее к себе: «Там наша дочь Марийка. Дорогая, с тобой всё в порядке? Признайся, ты что, пила?». Он непроизвольно повел носом, пытаясь уловить от жены запах алкоголя. Ирма-Мари, похолодев, ухватила за дверной косяк. Пол квартиры поплыл волнами. Она обмякла в объятиях мужа.

15

Туго скрученная спираль памяти резко разжалась. Калейдоскоп из давно позабытых лиц родителей, запахов, имен, городов, едва уловимых голосов и образов хлынул, словно цунами, сметая всё на своем пути, сокрушая хлипкие заслоны сознания, увлекая за собой Ирму-Мари в причудливый лабиринт из снов, догадок, воспоминаний, перетасовывая прошлое, будущее и настоящее. «Никакой Ирмы нет и не было, — с трудом вспомнила она, сонно отмахиваясь от назойливой памяти. — Есть только Мари».

В комнате дочери опять что-то звонко брякнуло. Смертельно побледнев, Мари оттолкнула мужа и заглянула внутрь. В лунном свете, таком обманчиво тусклом и одновременно ослепительно ярком, валялся одинокий шутовской бубенец.

Ред.: Мария Головей

Мария ВОРОБЬИ

Родом из Москвы. Работаю в сфере клинических исследований и фармакобезопасности. Летом выходит моя дебютная книга «Вербы Вавилона». Веду блог про историю и искусство «Сожги уже эту рукопись».

16

ИСПАНСКАЯ РУБАХА

Гвидарелло Гвидарелли носит шитые золотом рубахи, парчовые плащи, звенит шпорами с маленькими чеканными звездами. Гвидарелло любит женщин, а они любят его: хотя за что любить его, зачем любить его — ветреного насмешника? Женщины машут ему платочком, женщины распахивают ему ставни и свои объятия, женщины дарят ему браслеты и детей, которых он не признает; женщины вымарывают его имя на присланных им записках и вытравливают щедро посеянные им плоды.

Особенно любит его одна, некрасивая, могущественная, сухая: ее лицо — лицо старой девы, ее глаза — глаза человека, который точно знает, что не будет счастлив на земле, но еще не смирился с этим знанием.

Она его любит, и он одаривает ее — последовательно — улыбкой, поцелуями, записками, песнями, объятиями, своим семенем, горькой и холодной ночью расставания. Она ему не нужна, но он щедрый, он веселый, думает, ладно уж, пусть у нее в жизни тоже будет счастье. Но она от его щедрости несчастлива: в те моменты, когда он с ней, она сходит с ума от тревоги, когда его нет — от тоски. Она жаждет выносить его ребенка, чтобы только

удержать если не его — это ей не суждено, она знает, — то хотя бы его часть.

Она же для него есть лишь тогда, когда он ее видит, когда он ее касается, а в другое время ее для него не существует.

Гвидарелло — лучший друг Чезаре Борджиа. Время помнит Чезаре, но время не помнит Гвидарелло: имя Чезаре отполировано языками, выглажено сплетнями, гладкими слухами, препарировано рассказами Макиавелли, проклято в веках теми, кого он сильнее.

Чезаре и Гвидарелло вместе пьют вино — золотое, черное, зеленое вино — разве в ночи оно бывает иным? Вместе ходят к женщинам, которые не требуют стихов, которые искусны и спокойны, но даже там Гвидарелло остается Гвидарелло, а Чезаре остается Чезаре. Чезаре и Гвидарелло бьются бок о бок на поле брани, закованные в латы с головы до пят, они отчаянно дерутся в подворотнях, когда на них лишь легкие кожаные куртки, сражаются с теми убийцами, которых посылают к ним бесчисленные недруги.

Они всегда вместе, и всё же они не равны.

Гвидарелло сидит в беседке, увитой виноградом. Гвидарелло ласкает белые женские груди. Виноград над головой Гвидарелло за одну ночь набухает почками, расцветает цветами, созревает плодами. Над плодами роятся тучи мух. Плоды перезревают от любовного томления, бродят и наливаются вином. Гвидарелло беспечно смеется, поднимает руку, срывает гроздь, кормит с ладони женщин. Над Гвидарелло всегда горит зенитное солнце.

Чезаре сидит в беседке, увитой темным плющом. Он сидит на самом полу, положив голову на колени сестре, благородной даме Лукреции. Она безотчетно гладит его по волосам, и они о чем-то негромко переговариваются. Оба знают, что скоро он уйдет навсегда. Над ними — бесплодные ветви, сухие настолько, что больше похожи на остролист. Над Чезаре довлеет тень рока.

Оба друга прибывают на карнавал в Венецию. Они жаждут свободы, они хотят забыться.

Зеленые венецианские волны плещутся о борта их лодки, и Чезаре говорит Гвидарелло:

— Я не хочу быть собой. Быть может, мне стать тобой, надеть твое лицо и платье, чтобы узнать, наконец, каково это: быть человеком, над которым не заходит солнце.

— Я боюсь стать тобой, — отвечает Гвидарелло, — потому что тьма, которая, словно ворон, сидит на твоих плечах, не трогает тебя до назначенной поры. Как знать, что она может сделать со мной: ведь со мной у нее договора нет.

Чезаре не отвечает. Он смотрит на приближающийся город, на воду и ночную мглу, которые смешиваются, и становится непонятно, где одно переходит в другое. Ему кажется, что они плывут в безвременье. Ему кажется, что ему не найти человека, который согласится хоть на ненадолго стать им.

Лодка глухо стучается о причал.

Гвидарелло и Чезаре бродят по городу.

Они видят людей и чудовищ, они видят обнаженную блудницу, седлающую рыкающего зверя, они видят человека, который обнимает статую, и видят, как статуя обнимает его в ответ, они видят людей с песьими головами, они видят, как дева ведет на поводу единорога, они видят, как знатная дама, сидя на философе, погоняет его плеточкой.

18

Они знают — это не правда. Этому верить нельзя.

Они знают — это правда лишь наполовину. Нельзя стать тем, кого никогда не существовало, нельзя выменять то, чего нет.

Они знают — на самом деле это правда. От этого им страшно, и хочется взяться за руки, как если бы они были детьми, братьями, боящимися темноты. Но это стыдно, нельзя показывать слабость, и каждый только сжимает ладони в кулаки.

Наконец они выходят на площадь, и там, на площади, переглядываются в последний раз: знают, что больше не увидят друг друга.

Гвидарелло прогуливается туда и сюда, ему всё интересно и хочется стать кем-то совсем иным, не похожим на себя, но всё, что он видит, ему понятно, и все жизни, которые ему предлагаются, скучны для него. Прелат? Он мог бы стать прелатом, он так прекрасно пел в хоре, когда был еще мальчишкой. Уличный жонглер? И это ему по силам, ведь он так чудесно умеет гарцевать на своем кауром коне, вставая босыми ногами в седло.

Гвидарелло спотыкается обо что-то, о какую-то грудку тряпок, и эта грудка начинает шевелиться, показываются руки, огромные,

словно слоновьи, грязные, с поломанными ногтями, а потом возникает и голова, уродливая голова прокаженного.

Гвидарелло не боится ничего в этом мире — но всё-таки невольно отшатывается и злится на себя за эту слабость. Голова же говорит, обнажая провал беззубого рта:

— Гвидарелло Гвидарелли, Гвидарелло Гвидарелли, хочешь стать мной?

Гвидарелло затравленно оглядывается, но вокруг внезапно никого. Голова продолжает:

— Ты можешь стать кем угодно, Гвидарелло Гвидарелли, и разве есть для тебя в этом интерес? Любой обменяется с тобой рубахой и плащом, но разве тебе не будет скучно, Гвидарелло, юноша, над которым всегда светит зенитное солнце? Что может быть дальше от Гвидарелло, чем рубаха и тело нищего больного? Тебя никогда так не презирали, тебя никогда так не боялись, как меня, и ты рискуешь этого не узнать.

Гвидарелло не по нутру такой обмен, но умный нищий продолжает:

— Ты думаешь, солнце встает над тобой потому, что ты хорош? Нет, солнце встает над тобой, потому что ты бежишь вперед так быстро, что сам успеваешь за его движением, потому что нет бездны, в которую бы ты не шагнул, и нет женщины, которую бы ты не обнял. Но стоит тебе замешкаться, стоит тебе испугаться — и солнце зайдет над твоей головой, и его скроют тучи. Ну что, готов ты меняться со мной?

Тогда Гвидарелло понимает, что нищий прав. Стоит ему отказаться от обмена — и солнце Гвидарелло закатится, потому что солнце убежит вперед, а Гвидарелло остановится. Тогда он снимает парчовый плащ и шитую золотом испанскую рубаху, и облачается в лохмотья нищего.

Он видит Гвидарелло со стороны и удивляется его белой коже, ровным зубам, а еще тому золотому сиянию, той дымке, что поднимается над великолепным телом Гвидарелло, как если бы раскаленный металл погрузили в холодную воду.

Чезаре идет сквозь площадь. Ему улыбаются, ему кланяются, но никто не подходит к нему близко. Его боятся. Чезаре чувствует себя одиноко, еще более одиноко, чем обычно. Вдруг какая-то невысокая

фигура, скрытая плотным и темным плащом, приближается к нему, скидывает капюшон — и оказывается его сестрой Лукрецией.

— Чезаре, о Чезаре, — певуче говорит она. — Чезаре — убийца, Чезаре — кровосмеситель, Чезаре — клятвопреступник, Чезаре — палач, хочешь стать мной? Я возьму твое лицо себе, ты возьмешь мое — разделим же его на двоих, как делили животворное семя отца и утробу матери.

— Надо мной нависает тень рока, — хрипло говорит Чезаре.

— Надо мной тоже, — отвечает Лукреция.

Они обмениваются одеждой и лицами. Золотые волосы становятся черными, черные — золотыми.

Зимняя ночь длинна. Зимней ночью умирает солнце. Горят высокие костры, вокруг костров толпятся люди, смеются, шутят, обмениваются любезностями и усмеваются.

Никто не знает, становится ли потом Чезаре Лукрецией, а Лукреция — Чезаре.

20

Нищий ходит по площадям, переулкам и мостам над каналами. Он тянет руки к женщинам, но женщины с гримасами отвращения ускользают от него. Он улыбается мужчинам, но мужчины смотрят на него брезгливо, а если он не отстает — достают свои шпаги и грозят проткнуть его. Но сквозь омерзение и ярость проглядывает мышинная мордочка страха.

Нищий знает: стоит его прокаженной руке схватить кого-то — этот кто-то будет обречен. Нищему кажется, что он — сама смерть.

Такого он еще не видел в жизни.

Зимняя ночь длинна. Нищий знает — вернее, Гвидарелло знает, — что есть страны, в которых, бывает, зимой солнце и вовсе не встает. Он рад, что родился не там.

Ночь длинна, но всё же она подходит к концу.

С первыми рассветными лучами нищий находит кондотьера. Долгую минуту они смотрят друг на друга, и нищий поднимает огромную распухшую руку, тянется к золотому шитью на рубашке, к тяжелой шершавой парче. Говорит хрипло:

— Отдай. Время вышло. Отдай.

Но кондотьер стоит перед ним и раздеваться не спешит. Ему очень идет рубаха. Над ним светит солнце. Его лицо практически гладкое, следы лепрозной коросты на нем почти не видны.

— Это мое, а не твое, — говорит нищий.

Тогда кондотьер хватается за ножны и пронзает Гвидарелло, бедного Гвидарелло кинжалом — целых тринадцать раз.

Морок сходит. Гвидарелло лежит окровавленный, мертвый, в зловонных обносках нищего. Нищий убегает, он бежит быстро, умело, по улочкам и трущобам, но тяжелый плащ путается в ногах, мешает пролезать в расщелины, дырки в заборах, узкие проходы. Его ловят и вешают на первом же попавшемся столбе. Измаранную рубаху, испанскую рубаху, шитую золотом, забирает себе палач.

Гвидарелло опознают не сразу, а когда опознают, омывают и отправляют к семье, в Равенну. Там над его телом хмурится отец, воет мать, скорбят братья и сестры.

Там его отпевают в часовне святого Либерия Исповедника, оплакивают и еще раз омывают — сколько же воды льется на похоронах! Наконец придают земле.

21

Кажется, это конец злосчастной судьбе Гвидарелло Гвидарелли, но это не конец.

Та женщина, что любила его, стоит задумчива и спокойна. Никто никогда не узнает ее имени, но легенда сохранит ее дела.

Она чувствует себя хорошо и наконец-то спокойно. Холодный и мрачный, тихий и неподвижный — он никогда больше не убежит от нее. Он теперь принадлежит лишь ей.

Но тело подвержено тленю, ей невыносимо об этом думать, ей невыносимо навсегда потерять, забыть его, и тогда она начинает искать.

Она ищет скульптора двадцать пять лет. Она сидит. Она покрывается морщинами. Передние зубы у нее выпадают. Но она ищет, и он наконец находится.

Он вырезает из податливого камня лицо, над которым не заходит солнце. Гвидарелло мертв — говорит скульптура. Но губы его приоткрыты, и кажется, что он просто спит. Словно бы кто-то спал в полном рыцарском облачении.

Женщина говорит:

— Хорошо. — Она смотрит на Гвидарелло, только на Гвидарелло, и повторяет скульптору: — Ты хорошо потрудился, а теперь иди отсюда.

Скульптор выходит из гробницы с поспешностью, которую не ждал от себя сам. Он видит в глазах этой женщины разрушительную, всепоглощающую страсть. Ему кажется, что женщина сдвинет какой-нибудь рычаг, чтобы своды гробницы дрогнули и обрушились, погребая живую с мертвым. Скульптор хочет быть подальше от усыпальницы в этот момент.

Скульптор не понимает страстей, которые движут некрасивой любовницей Гвидарелло.

Он не верит, что она не хочет умирать, а вовсе даже наоборот. Впрочем, даже если бы она ему сказала, он бы не поверил.

Любовница снимает с себя дорогое парчовое платье — темное, тяжелое, подходящее вдовам. Она оставляет все украшения, и они тихо позвякивают на ее коже.

22 Она ложится рядом с Гвидарелло, нагая. Камень холодит ее тело, жестко впивается в бока. Она терпеливо ждет, пока он нагреется от жара ее тела. Она приникает устами к устам в жгучем, горьком, последнем поцелуе.

Утром она выходит из гробницы, растрепанная, счастливая, непраздная, а к весне у нее рождается мальчик, в волосах которого путаются солнечные лучи.

Они живут себе на свете, а потом время сживает их со свету, сжигает их имена.

Годы идут.

Статую Гвидарелло из гробницы переносят в музей. К ней на поклон ходят женщины, зачарованные его красотой. Они замирают перед статуей, они украдкой прикасаются к ней, не зная, что та, первая, зачала от холодного камня.

Больше Гвидарелло такого себе не позволяет. В конце концов, есть мера всему, даже чуду. Но женщины идут к его надгробию со всех сторон земли. Женщины приникают устами к холодным устам. Каждой — на мгновение — кажется, что он сейчас оживет, но он не оживает.

Каждая незамужняя девушка уносит с собой часть призрачного сияния, его волшебного дыхания, и каждая из них выйдет замуж в течение года.

А каждая замужняя женщина, что приникает к его устам, в течение года родит сына.

Так мне рассказали, а теперь и я вам рассказала о Гвидарелло Гвидарелли, над которым никогда не заходило солнце и который был заколот кинжалом нищего за испанскую рубаху, шитую золотом.

Теперь вы знаете.

Ред.: Яна Козлова

Родилась на исходе 20-го века в древнем городе на берегу моря, вдали от которого выросла и выучилась. Работаю по специальности в фармацевтической компании, воспитываю с мужем троих детей и, конечно, пользуясь случаем, передаю им огромный привет. Буду рада видеть вас в своём блоге «Заквашен на книгах».

КАК РОДИЛСЯ КАРНАВАЛ

Жил на свете Карнавал.

Старый Карнавал.

Мне говорили, но я не поверила: люди столько не живут, впрочем, мир знавал и других долгожителей, взять хотя бы старину Пабло. Пабло Весенто было сто пятнадцать, когда он перестал смеяться. Пабло оставил десятки праправнуков. И многие считали его слишком старым, чтобы оплакивать в день прощания.

На весентовских похоронах Карнавал охотно рассказал, каким был усопший в детстве. Более никто из присутствующих этого знать не мог. Для них Весенто сразу был старым, в мягкой шляпе и пиджаке, с пледом на коленях и разохшейся шкатулкой, в которой старик хранил фотографию своего первого внука и перья последнего маврикийского додо, прожившего беззаботных семнадцать лет, пока не подавился камешком.

По рассказам Карнавала выходило неладно и нескладно: мальчишка подворовывал у отца, шипел на гусей и спал на земле, как бродячая собака. Но и остепенившегося Весенто рассказчик тоже не пощадил. Например, откуда-то Карнавал взял, что перья додо Пабло ни в грош не ставил, потому что ненавидел дронтов за их непроходимую тупость и доверчивость. Всё врет! Сказал, что Паблито своими крепкими руками раздавил последнее живое яйцо на глазах последней пернатой самки, которая тут же скончалась от горя, а

Весенто, как вы понимаете, прожил долгие лета после этого гнусного преступления, прославив додо разве что в глупой песенке, которую он больше семидесяти лет пел на западном склоне оврага в те теплые летние дни, когда не было дождя. Песня его была столь абсурдна и смешна, что невольно запомнилась всем соседям. И осталась жить, а додо — нет. Каждый из присутствующих знал эту песенку наизусть, им стоило усилий не улыбнуться, только Маркес в углу не сдержался и фыркнул. Раз додо над полем с лошастью летели... Захочешь забыть, так оно само пристало намертво — не отдерешь.

Перья в шкатулку подложил тот самый внук с фотографии, когда старик уже плохо видел. Карнавал счел возможным припомнить еще и такое: Весенто не любил смеяться. Он любил летучих мышей, которых если и ловил по чердакам, так только из жалости, чтобы тут же отпустить в сад, потому что они частенько не могли выбраться с чердаков самостоятельно. Напуганные мыши не любили Весенто и вообще никого не жаловали сентиментальными порывами. Этим-то они и нравились злобному старику, рассказывал Карнавал.

25 Опомнившиеся внуки Весенто наконец попросили Карнавала самостоятельно покинуть приход, пока они не выкрутили ему руки, которыми он так отвратительно размахивал, очерняя их беззащитного деда, тут же лежащего рядом и напужанного в последний путь. Карнавал вышел, но поддетая его рассказами маска уже не прилежала столь плотно к скулам усопшего Пабло, и младшие из рода Весенто усомнились в благородности известной фамилии, которую они с таким почтением носили десяток лет своей юной мармеладной жизни, оцарапанной лишь грубой корой апельсиновых деревьев.

Следующим отвернулся от грешного мира Маркес Мария де Базилио, сорока семи лет от роду. Разумеется, и его Карнавал знал маленьким, но сказать ничего определенного про грешника не мог, зато вспомнил пару историй про его отца, проигравшего в поезде деньги, которые позарез были нужны Карнавалу. Базилио-старший в очередной раз не смог отдать старый долг Карнавалу.

Когда Карнавал сказал, что знал Маркеса Марию еще маленьким, гости насторожились. Маркес был той еще сволочью, и услышать истории из его убогой биографии не хотелось никому из присутствующих. Пришли они на прощание лишь потому, что накануне крепко выпили, досмотрев футбольный матч, где, как это часто бывает, одна команда выиграла, а другая — нет. Словом,

горевали они так, что не только пятница, но и суббота пропала начисто, и дел начинать не стоило. А тут покойничек. Отчего бы не сходить в церковь, ведь кстати. И недалеко, и спокойно, ни в какое сравнение с футболом!

Знал я его с колыбели, но сказать мне про этого маленького засранца нечего, прошамкал Карнавал, и с размаху сел на скамеечку. И тут все поняли, что Маркес Мария был таким уродом с самого детства. Он навсегда запомнился патлатым пропойцем, в одну ночь выдравшим с корнем все апельсиновые деревья, за которые жены рыбаков отвалили звонкие монеты, отложенные на платья и бусы. И снова попросили Карнавала промолчать из уважения к первым цветам новых апельсиновых деревьев, которые были так напуганы участью предшественников, что покрывались клопами, стоило только Марии Маркесу пройти мимо, хоть бы и по соседней улице.

В понедельник Эрландо Доменико Акапулько всё еще опохмелялся после того злополучного матча и ненароком упал в колодец. Карнавал даже не удосужился потом прийти в церковь, потому что всё сказал у колодца. Сказал, что Акапулько был художником от Бога. Если кто и видел его рисунки, то таких в этой деревне не было. Карнавал пояснил, что Эрландо никогда не рисовал потому, что руки у него вечно тряслись, так что вам придется поверить на слово. Но никто не поверил, пока не разобрали постель Эрландо. Подушка и матрас его были набиты не перьями додо, как у всех в деревне, а бумажными шариками. Развернули один, другой — там рисунки невиданных заклепанных страшилищ с рогами на носу и серьезными кроликами, сложившими лапы перед собой так, чтобы зрителю было сподручнее любоваться их красотой. Бесчисленное количество скомканных рисунков выгребли из конуры Эрландо.

26

Трудно сказать, правда ли его рисунки были божественны, но в городе тут же устроили выставку, которая сгорела неделю спустя. Вот когда не осталось ни одного рисунка, Карнавалу поверили на слово. Других художников больше не родила эта горячая апельсиновая земля. А которых и родила, те не держали никогда в руках ни карандаша, ни сангины, ибо отцы их были так бедны, как и их матери, отдавшие все деньги на новые апельсиновые деревья.

Карнавал недолго еще ходил гоголем. Он умер, потому что надышался черного дыма на пожарище, пытаясь спасти хотя бы одного нарисованного петушка. Или курочку.

На похоронах старого Карнавала я сказала, что теперь некому будет снимать маски с усопших, и в деревне случилось настоящее горе, какое бывает только с людьми, чьи души под палящим солнцем становятся так горячи, что загораются от малейшей искры. Прошло семь дней. Семь дней я не видела людей на улицах. Прошло семь долгих дней, за которые можно было успеть сотворить целый мир и новых людей.

И на восьмой день ко мне наконец подошел человек. Его лицо было закрыто перьями додо. Я сорвала маску, под ней оказался старый плут Фернандо, шаманящий дожди в обмен на курево. Пусть будет вечно жить наш Карнавал, прошептал Фернандо. Он всегда шептал, так что нам, сиясь расслышать, невольно приходилось придвигать свое лицо к его носу, который простые люди редко видят вблизи, а потому и не знают хорошенько, как он должен выглядеть. Но уж точно не так, как у Фернандо, не бывает же на свете двух одинаковых носов. Каждый год, в день смерти Карнавала, продолжал шептать Фернандо, пусть перья додо закроют все лица, и только старикам будет дозволено снимать маски с людей. Я согласилась, лишь бы Фернандо прекратил шептать, и мне не приходилось больше прислушиваться: Фернандо сосал сигары целыми днями, и от него нестерпимо разило куревом.

27

Карнавал умер — да здравствует карнавал! Через несколько лет старики в той деревне перевелись, как это часто случается со стариками, — срывать маски стало некому, и женщины снова потратили свои накопления, на этот раз на бусы и ткани, ведь не ходить же целый день в одних только жутких птичьих масках, которые некому снять. Хотя бы нарядными.

Ред.: Виктория Сайфутдинова

ЖИВ НА СВЕТЕ
КАРНАВАЛ

Родился в 1991 году в городе Уфа (район Черниковка), окончил Литературный институт имени А.М. Горького (мастера — Анатолий Королёв и Сергей Есин), проживает в Москве.

Участвовал в писательских семинарах и фестивалях «Мы выросли в России» (Петрозаводск, ноябрь 2022; Омск, февраль 2024; Каменск-Уральский, апрель 2024), «Стилисты добра» (Челябинск, апрель 2023), «КоРифеи» (Уфа, июнь 2023), «Фестиваль Чижевского» (Калуга, сентябрь 2023).

Печатался в журналах «Новая Литература», «Рассказки», «Новый Енисейский литератор», «Автограф», «Прочтение», «Littera Nova», «Тайные тропы», «Пять стихий», «ЛитОбоз. Пресс», «Перископ-Волга», «Литературный ковчег», в альманахах «Художественное слово», «Страшные сказки.

Выпуск 2», «Yes, Future», «Зёрна», «Царицын», «Терапия с ног на голову», «Фэнтезийные записки», «Остров надежды и Абрамовский большак 2023», «Сборник стихотворений и прозы. V Фестиваль Чижевского», на портале о современных культуре и искусстве «гУрУ» (Берлин), в проекте «Прочитано», в литературном листке «Борей».

Лауреат международного конкурса «Янтарный самородок» (США). Выступал со сцены «Литературных понедельников у Арса-Пегаса».

Библиография:

- сборник фантастики «Сказки для 21-й комнаты» (Ridero, 2023);
- детектив «Воробьиный дом» (Rugram, 2023);
- сборник прозы «В холодном маленьком Аду» («Стеклограф», 2024).

Глеб ОКЕАНОВ

БЕСОВСКИЙ РОМАНС НА СВЯТОЧНОМ БАЛУ

Стояла безлунная, беззвездная и безветренная ночь. Святки. Я дочитывал письмо, уже будучи полностью собранным в путь, шагая по навалившемуся снегу к саням в свете фонаря в руках этого рыжего.

Чудной малый с рыжими усищами передал мне письмо от моей возлюбленной Полины. Полина, моя любовь, моя госпожа, писала, чтобы я срочно мчался из Петербурга в Тверь. Писала: «Этот святочный бал-маскарад — последний проблеск наших чувств. Не пропустите праздник этого господина, если хотите наверное со мною свидеться». А к письму приложила увядший цветок и своего доверенного — того самого усатого, с виду — повесу.

Рассвет нас встретил на окраине города, как бы помахав самим собою, словно алым платком. Мол, в путь-дорогу!

Написала ль поздно мне Полина, или этот шельма, коего выбрала она для сего важного задания, успел где путями погулять, но лишь получив приглашение, я уже начал опаздывать. Слова письма клеймили мое сердце — почему оно звучит как будто пред прощаньем? Куда девались прежние заветы и клятвенные слова? Я приказал молодчику гнать что есть мочи.

— Думал, барин, уж и не попросите! — усмехнулся дыркой от клыка этот рыжий, вытер по усам соплю и припустил двух иноходцев действительно что есть мочи.

Я вмиг чуть сани невольно не покинул — так понеслась наша компания. Мимо пролетали ели да сосны, оградки деревень, плетни и указательные знаки.

«Может же черт!» — позавидовал я искусству этого малого справляться с конями и повозкой. Ориентиров не ищет, путников не высматривает, не гадает по звездам — знай несется себе. Если успеем ко времени, обязательно ценным чем-нибудь одарю, не успеем — изрублю шашкой шельму.

30

К стыду моему, вскоре, несмотря на тряску да прочий шум, я заснул. Быть может, дело в том, что как взял то проклятое письмо я в руки, так сердце тут же и отбило все намеченные на сутки такты, а теперь покой просило. А может быть, тому вина неволя, что сам не могу оборотнем переметнуться и бежать быстрее любых саней по снегу.

Так или иначе, разбудили меня рыжие слова:

— Спешай, барин! Че же спишь?! Я спешал, и ты спеши!

Тотчас я проснулся. Вскочил из саней и взглянул на величественный дом с античными колоннами, что так сиял в ночи, будто и нет вокруг никакой Твери.

В нерешительности я обернулся на возницу.

— В какой час прибыли? — губы мои дрожали, но не от холода — от волнения.

— К самому тому часу, ваше баршество, — прошептал он. — Поспешайте, говорю, что вы елозите!

— И то верно! — я обернулся к сверкающим колоннам и перекрестился.

Тут же поспешил ко входу. Обернувшись, крикнул:

— Дождись меня, друг, — с меня причитается, — успел увидеть, как рыжий на это только кивнул и двинулся к загнанным коням.

Через тяжелые створы высоких дверей я прошел сам, что стоило некоторых усилий — вдруг навалившийся ветрище с подругой-пургой пытались то одну дверь, то другую закрыть передо мною, а ручки их всё скользили у меня в перчатках.

Как ворвался внутрь, меня уже приняли слуги, коим я передал шубу и трость, и сопроводили наверх.

«Удивительная обстановка — не видывал я такой в нашем Петербурге... Хотя кто я есть? У царей же не бывал, так и не говори», — сказал я сам себе.

Двери в зал хотели уже открыть слуги в старомодных париках, как что-то их прервало. Я-то уж мало что понимал — таким эхом в ушах отдавалось сердце.

Подошел маленький человечек, что я сначала принял за карлу, но нет, просто совсем невысокий и пышнотелый. Замахал руками на всех, подошел ко мне и поманил пальцем. Я сконфузился, не зная, как мне сейчас сделать — нагнуться ли к нему или присесть. — Бал этот — маскарад, уважаемый граф Казимир, — произнес маленький человек голосом низким и тяжелым. — Без маски строго-настрого запрещено на этаж пускать-с.

Я мысленно пробежался глазами по письму, которое успел уже выучить, и точно — там же было об этом сказано! Вот же дурак, хоть бы остановились где в пути, да попросили жуткое что у ряженных-колядников. Вот же потеха стала б — явился бы на бал в маске рогатой, еще деревней пахнущей! А так... Увидел свое отражение в больших черных глазах этого маленького бледного человека, и выглядел я в этом ночном омуте дурак-дураком с какой-то там ярмарки.

— Нет у меня у маски... — выдохнул я.

— Да кто же с вас просит? — сказал слуга, отошел чуть и продолжил. — Вот то, что, сударь, пораньше не приехали, или... — тут

он изобразил, будто тайну мне рассказывает, но говорил всё так же громко. — Или не написали заранее и «конфетку» не подкинули, это да...

Он щелкнул пальцами. Пара детин с грохотом вывалились из дверей справа от меня и внесли сундук. Маленький слуга откинул крышку, посмотрел внутрь и, я так понял, ничего и при свете факелов не увидел. Нагнулся, что прям уж совсем — чуть не свалился туда, и ахнул.

Я к стыду своему оказался вынужден воспользоваться платком — предательские капли проступили на лбу.

«Ладно!» — подумал я, пусть на слезы потом не останется, если худшие предчувствия окажутся правдой, что не дай, конечно, Бог!

Невысокого роста слуга выложил что-то с грохотом на серебряный поднос и его показали мне. В первый момент показалось, что это свежесрезанное свиное рыло с базара. Во второй я подумал, что поднос пуст, а мерзкое рыло — это моя же физиономия, так с дороги поизносившаяся и на морозе покрасневшая. Но в конце я осознал, что это всё-таки маска такая, тяжелая и плотная, гипсовая, что ли.

32

Я открыл сначала рот, чтобы произнести что-то с эмоцией, но взял себя в руки.

— А... почему свинья? — спросил я.

Слуга подошел поближе, и уже сам показал рукой, чтобы я совсем присел к нему. Я нагнулся, но мне показалось при этом, что в этот раз он стал как будто еще на голову-другую ниже.

— Другие, — прошептал он в ухо голосом настолько железным, что у меня будто металлическая стружка выступила на языке, — еще хуже.

В свинячей маске вошел я в залу. В первый же миг показалось, что вальсируют сотни сотен пар — точно верхотуру всех этажей Твери сжали хлопком и размазали в один большой блин, на котором нам сейчас и танцевать.

И точно — все в масках. Кто-то даже в карнавальных костюмах: бесов каких-то с копытами и ведьм. Маски тоже все с изыском, с таким даже, что я тут же понял — все они и есть из того сундука. Кто

пес, кто черт, кто овечка, а кто волк. А вон, наверно вижу, Иван-Дурак, а рядом с ним — Ирина-Дура — иначе не назвать.

Быстро бросив любозренья всем этим помпезным излишествам, стал я искать взглядом сквозь тяжелую тугую маску мою Полину, отраду сердца моего. Потратил я три четверти часа, но всё тщетно. Пытался раз-другой взять бокал шампанского, но прокатывавшиеся мимо на подобиях коньков с колесиками слуги в очень странных масках успевали прошептать мне на ухо, что я «не достоин этого питья» и что у меня «маска не та еще».

Станцевал я с несколькими дамами, вынужденно опрокинул пару стопок с некими господами — клянусь, никого за масками не узнал. Головой я ударился, когда катились мы — не понимаю, как такое может быть, что я ни по голосу, ни по глазам не узнаю никого из высшего общества. Здесь же не только Тверь! Сколько здесь вообще людей собралось?!

Разморило меня скоро. Даже показалось, что упаду сейчас, не знаю, какая могла быть к тому причина, но тут мой взгляд зацепился за что-то, и за это же зацепилось сознание. Я увидел, как сквозь силуэты вальсирующих усмехается и бокал тянет рыжий, что привез меня. Я вскочил, чтобы наказать... Наказать не за то, что в залу зашел в валенках своих, а что без маски. Откуда у меня взялся такой порыв?

33

Но только вскочил я с диванчика, в двух дырках маски оказалась маска античная — кто-то стоял предо мной, изображая одну из муз. Но глаза эти я всегда узнаю.

— Полина!

Она в ответ лишь усмехнулась.

Мы вальсировали, участвовали в общем танце. При этом я шептал ей на ухо, через эту ее огромную маску. Я выразил ей всё, что не озвучил бы и священнику на исповеди, что сатане в аду не сказал бы. Но говорил я только то, что только наше — для нас двоих имеющее смысл и ясность.

Тут она оттолкнула меня, и очень сильно — на мгновение я успел подумать, что ударюсь затылком о гладкий пол, но рухнул на внезапно оказавшийся за спиной диванчик. Диванчик чуть качнулся.

Я услышал шепот толпы громче крика в уха: «О, Господи, он перепутал сестру!», «Он всё напиться пытался. Пришел уже весь

раскрасневшийся. Ему пытались не давать!», «Полина прислала проверить сестру — ему плевать! Он говорил кому-то, будто тут все катаются на каких-то коньках!»

Не понимая, как всё так получилось, умудрился я опозориться в глазах всего общества. Я хотел немедленно уже покинуть этот зал — какой-то бред происходит вокруг. Ведь бред же! Да и какая еще сестра? Кузина, что ли? Так как родная ее сестрица умерла, как знаю я, еще во младенчестве...

Вдруг дух мой как будто окликнули. Я глянул в сторону, а там за шторой у окна стояла моя светлоокая Полина, и без маски.

Я двинулся туда. Полина упорхнула из залы в коридор, а я — за ней. Многочисленные ткани меж проемов всё пытались скрыть Полину, но я всё шел за ней, пока мы оба не оказались в маленькой комнате, с теменью которой едва боролись две догорающие свечки.

И мы схватили друг друга и прижались щеками, смешивая наши слезы.

— Любовь моя!..

— Мой милый, милый Казимир...

Она чуть отстранила меня, и я как будто увидел нас со стороны, и всё происходящее, и засыпал ее вопросами. Что значило ее письмо, точнее его тон? Или сердце мое само просит страданий, и прочитал в письме меж строк то, чего там не было? И чей это дом, в котором устроили столь чудной бал? Что за обман с липовой сестрой?

Полина лишь печально усмехнулась.

— Мы не сможем быть вместе, — вдруг сказала она, ранив мне душу, и добавила: — А любовь наша в таком далеком прошлом, что я едва-едва ее вспоминаю.

Я оцепенел от этих слов, и так бы и стоял, наверно, вечность, пока бы не умер, но она продолжала:

— А ведь я душу продала, чтобы последний раз свидеться с вами, мой Казимир! Я воспользовалась возможностью, чтобы лично попрощаться и пожелать всего хорошего, и второй встречи мой новый господин нам не даст.

Эти слова совсем уже меня смутили, но дух вернулся в тело, и я собирался опротестовать все ее непонятные мне заявления, в которых слышались только эмоции, но не находилось и толики смысла.

Полина с тревогой взглянула мне за спину, и я обернулся. Коротышка-привратник, молодцы, что выносили сундук с масками, пара слуг в париках и несколько гостей в масках упырей и нечисти стояли позади меня. Ясно стало, что поведение мое на балу перешло все границы и больше меня терпеть здесь не собираются.

Опустошенный, я поглядел на Полину — быть может, она позволит мне что-нибудь сказать. Отчего ж она так категорично обрывает нашу связь? Но Полина на мою протянутую к ней руку лишь сделала пару шагов назад, да затушила свечу. Образовалась тьма, точно я ослеп.

Меня грубо вывели под руки прочь, точно я пьян и дрался. Все гости молча провожали нас взглядами, и в прорезях масок я видел укор и насмешку.

Всучили в руки шубу с тростью и, не дав одеться, выпроводили наружу, точно пса шелудивого. Стоило спуститься по оледенелым ступеням, как ко мне подскочил всё тот же рыжий, присланный самою Полиной. Быть может — ну, вдруг? — он знает, что случилось, что происходит с нею? Раз нам толпа не дала объясниться.

— Вот вы где, барин! А я вас повсюду ищу.

Я хотел накричать на него, чего это он меня где-то ищет, хотя сам прекрасно должен помнить, что сюда же меня пару часов назад подвез. Хотел я накричать, но что-то отвлекло мое внимание. И действительно — место, где мы стояли, и где я покидал, весь возбужденный и в эмоциях, сани, как будто различались.

Обернулся я и еще раз окинул взором величественный дом с колоннами. Он стоял весь в запустении и разрухе, покрытый снегом, с копиями свисающих сосулков по карнизам. Свет нигде не горел.

Я стоял, разинув рот, на морозе, пускал пар, а мой возница продолжал:

— Тут весь город вечер-ночь говорит, оказывается, о барышне вашей! Померла, говорят, накануне еще.

Поглядел я на него устало. Говорить ничего не хотелось. Да и что говорить? Врет же. Врет же всё, черт!

Рыжий не выдержал моего замученного взгляда, глазки забежали. Поелозив ботинком немного снег, он спросил:

— Ваше баршество выпить, наверное, хотят. Весть такая скверная, да замерзли видно... — он указал рукой. — Вот тут место хорошее, тепло, люди приличные. Пойдемте, пока не околели вы с горя-с.

Я всё смотрел на шельму, пока он всё это городил, и начал подмечать, чего раньше не видел. И не валенки на нем никакие, а самые натуральные копыта у него. И глаз у него желтый, как будто кошачий. А шапку он так натянул, что проткнул рогами насквозь.

— Выпить? — усмехнулся я. — А пойдем-ка действительно и выпьем!

Я приобнял черта, и мы направились в кабак.

Иллюстрация: Анастасия Дорожкина

Анна ПЕСТОВА

Писательница и историк из города Троицк, Новая Москва. Работает гострайтером в агентстве Кати Майоровой, редактирует и пишет тексты, преподаёт английский и французский. Живёт в Латинской Америке и ведёт телеграм-канал «Парагвай и потоки сознания» про жизнь на другом континенте.

ВЕЧНЫЙ ТАНЕЦ

Каждый февраль в Боливии проходит карнавал Оруру, завершающийся танцем.

«Дьяволиада».

Прикрепленные к спине крылья казались двумя свинцовыми плащами. Сандро тяжело дышал. Даже на репетициях было легче. Склованный весом, он неподвижно стоял за декорациями. Осталось совсем немного: их танец будет кульминацией, после которой карнавал закончится.

За спиной звучал щебет Марианы. Вот бы напихать себе ваты в уши, чтобы никогда, никогда, никогда не замечать ее соловьиные песни, которые она всегда поет кому-то другому. И никогда больше не прислушиваться к ее шепоту на мессе, когда она склоняется к чужим ушам — ведь никогда это не бывают его уши.

Он повернулся. За уродливой маской пряталось его разочарование, так же как и за ее гримом не было видно всей этой дьявольской красоты — утонченного носа, пухлых губ. Только большие черные глаза виднелись в прорезях маски: в них танцевали смешинки, бесинки и черти.

В детстве Сандро почти не верил в чертей, потому что не мог их представить. Падре Хуан описывал приспешников дьявола как совершенно невозможных существ: что-то среднее между свиньей, козлом и человеком.

Но однажды он вырос. В то воскресенье, когда он почувствовал себя взрослым, он замер на входе в церковь, опустив руку в чашу со

святой водой. Оказалось, Мариана тоже выросла. Тогда в церкви она задержалась возле него и, улыбнувшись, сказала: «Доброе утро, Сандро», а потом отвернулась и прошла дальше.

Где-то в эту секунду из ее глаз блеснули черти, черные и рогатые, и он тут же понял смысл проповедей падре Хуана про нечисть и испытания, которые посылает простым смертным дьявол. Мариана, Мариана, Мариана, само ее имя теперь звучало как грех, как танец чертей.

И когда дон Педро и донья Долорес выбрали его исполнять танец архангела Михаила, архангела, Сандро хотел сначала отказаться. Как он мог изображать Его посла, Его воина, когда сам он был терзаем такими тупыми желаниями? Но родители шептали: «Это такая честь, Сандро, мы гордимся тобой, первый наш сын исполняет роль в день Оруру, это честь, это гордость, это признание».

И когда он наконец пришел к дону Педро и донье Долорес на первую репетицию, оказалось, что жену дьявола будет играть Мариана. А самого дьявола — всегда бесивший его Хосе Мария, укравший у него когда-то промокашку в воскресной школе.

38

И теперь Мариана стояла рядом с Хосе Марией в одинаковых черных костюмах, украшенных перьями, и хихикала. Хихикала так же, как во снах Сандро хихикали дьяволицы со множеством рогов и темными глазами Марианы.

Музыка сменилась, и Сандро зажмурил глаза — скоро его черед выходить и танцевать на потеху зрителям карнавала. Пот всё еще стекал под маской прямо ему в рот, и он не могу его вытереть, ведь ему нужно было держать меч архангела.

Но вот зазвучала тонкая песня чаранго, ударили барабаны, и Сандро инстинктивно выбегает из укрытия. Воинственно он несет свой меч, не видя ничего, кроме неба и божественного света.

Пока не блеснут вдалеке черные глаза — в вихре красного и черного танцует она, дьяволица, жена дьявола. Ее платье — гобелен греха, сотканный из нитей искушения. В тени ее глаз пляшет огонь — в нем придется гореть целую вечность.

Барабанные удары нарастают, отражая стук его сердца. Он разит мечом, но дьяволы отскакивают, как искры. Они насмеваются, они играют с ним, закидывая на него свои цепи, то приближая, то отпуская.

Дьяволице нет дела до брачных обетов, ей нет дела до морали и нравов, ею движет страсть и грех, мрак и похоть, всё самое нечистое и темное. Ее черные глаза блестят всё ярче. Цепи звенят всё громче.

Движения становятся всё провокационнее, взгляды — всё жарче. Но это обман, обман, ловушка, из которой никогда не выбраться. И всё же с каждым тактом его решимость слабеет, он замедляется, барабаны постепенно утихают... Зло почти что торжествует.

Кульминация уже наступила, хотя никто и не догадывался. Воздух сгущается. Дьяволица, в последнем акте соблазнения, протягивает руку архангелу.

С силой, о которой он и не подозревал, небесный воин завершает танец, побеждая дьяволов взмахом меча. Они падают, и тогда он взлетает на подмости, победно поднимая свое орудие к небу: никогда еще крылья не были такими легкими, как сейчас, никогда еще он не чувствовал себя победителем.

Теперь Сандро слышит и крики восхищенной толпы, и голоса соседних танцоров, шепчущих ему о том, что он великолепно выступил. Весь его костюм пропитан потом. Под маской резко становится нечем дышать, но он остается неподвижным.

Невольно он бросает взгляд в сторону здания, где все танцоры переодевались после выступления. Всего лишь на миг он видит, как Мариана стоит в дверях и смотрит прямо на него, на Сандро, пока лошади медленно тащат подмости по главной улице. Ее черные глаза на этот раз молчат. Что-то внутри него дергается: неужели он смог изгнать искушение, дьявола?

В следующее мгновение она уже отворачивается, блеснув в последний раз темными юбками. Сандро тяжело вздыхает. Дьявол изгнан, ангел победил, а в его груди всё еще бушует сердце, восстающее против небес.

В следующее воскресенье он сядет рядом с ней на мессе. И если дьявол вернется, тогда меч в его руках станет настоящим, а не картонным. Сандро крестится и воздевает руки к небесам. Толпа ликует. Аминь.

Ред.: Виктория Сайфутдинова

Лада БАСКИ

С тех пор, как я родилась в Баку, предпочитаю жить там, где есть море и холмы. Сейчас обретаюсь в Шотландии. Возможно, с возрастом переберусь в страну более габаритных ландшафтов, например, в Аргентину или даже в Грузию. Из-за перенесенного в юности образования подвержена быстрой смене языков и потому работаю переводчиком. Увлекаюсь выращиванием дочери, котов и проблем на ровном месте. Мечтаю написать обо всем и еще о многом другом, с любовью к дорогим читателям.

ДОВЕРЬТЕСЬ МАСКАМ

Агент его королевского величества тщательно, как и подобает столь важной персоне, готовился к маскараду. Тем более если событие обещает стать судьбоносным для страны, особы, коей он служит, да и для него, грешного. В случае успеха его миссии исторический бал станет таковым в прямом смысле слова. Ради столь высокой цели стоит идти на любые жертвы! Поминутно напоминая себе об этом и борясь со скорбной миной, агент принялся облачаться в костюм.

Где-то неподалеку переодевался низкий изменник, негодяй и игрок, спустивший свои средства за зеленым столом. Сегодняшняя ставка была куда выше всех предыдущих, а потому он испытывал обмирание и горячечный восторг человека, несущегося с ледяной горки. Родина против состояния! В случае выигрыша ему больше не придется беспокоиться о деньгах. В проигрыш он, как обычно, не верил.

Наконец, третий участник предстоящих событий наряжался с невозмутимостью привычного к маскараду господина. Род его деятельности требовал умения носить любое платье. Лишь маска была

новшеством, впрочем, более удобным, чем обычные накладные усы, шрамы и носы. Одно только тревожило его: полученные сведения были крайне скудными. Сегодня под маской овцы будет совершено покушение на льва! И он должен сделать всё, чтобы предотвратить трагедию.

— Элоиза, ты только посмотри! Какая прелесть!

Элоиза скептически хмыкнула. Нет, к убранству бального зала она отнеслась с одобрением. Хрустальные люстры подмигивали своему отражению в начищенном паркете. Зеркальный рояль был настроен торжественно и не обращал внимания на их игривость. Сияли канделябры и щекастые ангелы. Гирлянды алых и белых роз вносили нужную ноту в атмосферу. Словом, здесь было, от чего прийти в восторг, однако восхищение Бетти было направлено в иную область.

— Здесь всё совершенно по-английски! Я чувствую себя, как дома!

— О да, — подхватила Элоиза, разглядывая толпу в тогах и туниках: — Именно так и одеваются наши соотечественники для прогулок по Стрэнду и Пикадилли.

41

— Ну перестань! — возмутилась Бетти: — Это же аллегория, метафора, символ времени! Викторианская эпоха — наш Ренессанс!

— Под властью египетских богов?

— Откуда взялся Египет?!

— Все эти маски животных над тогами...

— Элементарно, дорогая! Зеленые ирландские зайчики, красные валлийские драконы. И конечно же, золотые английские львы!

— А овцы? — не выдержала Элоиза.

Их как раз миновал некто в тоге. Крутые завитки, белая маска с рогами — ошибиться было невозможно. Бетти посмотрела на подругу с превосходством.

— Стыдно не знать — это же символ Шотландии! У них там повсюду бродят овечки.

— И играют на волынках, попивая виски? На самом деле у них на гербе единорог!

— В историческом действе важна не правда, а правдоподобие.

— То есть неправдоподобие?

Бетти окончательно рассердилась. Одарив Элоизу возмущенным взглядом, который не могла скрыть маска, она подхватила длинные полы белого одеяния и ушла в другой конец зала. Оказывается, подруга не знает простых вещей о родной стране, а ведь она так гордится своей ученостью! Из-за нее Бетти взяла маску в виде розы Тюдоров, усыпанную сверкающими камнями, о чем теперь очень сожалела. Золотая львица подошла бы ей гораздо больше! Впрочем, еще и сейчас не поздно всё изменить.

42 Бетти уперлась в гостей своим самым пронизательным взглядом и увидела стройную фигуру в нужной маске, одиноко стоящую у колонны. Девушка держала в руках футляр для свитков. Бетти сразу поняла, что бедняжке грустно: пусть не видно лица, но поникшие плечи и опущенную голову не скроешь. Умный человек всегда сделает нужные ему выводы, сказала она себе, и бросилась на помощь.

Бетти решительным шагом двинулась к колонне, прокладывая путь через толпу своим главным богатством, которому позавидовала бы любая кариатида. В считанные мгновения она оказалась рядом с целью. Девушка подняла голову и встrepенулась. Большие голубые глаза смотрели с удивлением и вопросом. Увидев, что ей рады, Бетти сразу перешла к делу. Понизив голос, она сказала:

— Отойдем за колонну? — меняться масками при всех было неудобно.

Собеседница кивнула и первой прошла в уютный закуток. Не говоря ни слова, она вручила оторопевшей Бетти свой футляр, оказавшийся довольно тяжелым. Потом отвернулась к стене и развязала маску. По-прежнему стоя спиной к Бетти, она передала ей вожделенного льва через плечо.

«Я была права! Бедняжка тяготится своим участием и желает незаметно скрыться. Всё же сила не в знаниях, а в остром уме. Как правильно я всё поняла и как умело добилась своего!» Бетти спохватилась, что заставляет девушку ждать, и быстро расправилась

со своей маской. Обмен прошел гладко. Незнакомка выждала какое-то время и повернулась к Бетти розой, когда лев надежно обеспечивал анонимность.

Со стороны роза оказалась неожиданно прекрасной. Сверкание придавало ей особый шарм. Однако передумать было поздно. Бетти поблагодарила знакомку. Та ответила ей кивком, впервые выпрямившись в полный рост. Стало заметно, как она высока и неуклюжа. Такие широкие плечи больше подошли бы мужчине, мельком подумала Бетти, выходя из-за колонны.

Карнавал набирал силу: всё новые и новые гости входили в зал, перебрасывались серпантинном, всюду слышался смех и обрывки разговоров. Бетти прислушалась.

— В следующий раз маскарад нужно провести в необычном месте. Например, в мэрии. А как украсили бы маски заседание парламента!

— Помилуйте, мадам, там их и так никогда не снимают.

— Хороший муж узнает жену под любой маской.

— К счастью, подобные мужья — редкость!

— Не правда ли, в карнавалах есть нечто жуткое?

— О да! После них трудно без содрогания взирать на окружающие нас лица.

Бетти уже собралась присоединиться к беседе, как рояль вспомнил о своей миссии. Несложная и в то же время изысканная мелодия волшебным образом прекратила все беседы, и участники карнавала разбились на пары для менуэта.

— Позвольте? — перед ней склонился некто в золотой маске, крутости рогов которой позавидовал бы любой муфлон. Бетти едва успела кивнуть, как оказалась среди танцующих. Футляр ужасно мешал. Незнакомец, должно быть, заметил это, и попытался забрать его. Какое благородство, умилилась Бетти, но решила не обременять деликатного партнера.

В прорезях маски сверкали черные глаза, необычные для уроженца Севера. Их взгляд был столь глубок, что вскоре Бетти почувствовала головокружение. Незаметно танец привел их к той

самой колонне, за которой имелась укромная ниша. Изящный поворот, и вот уже широкие плечи Муфлона скрыли бальную залу. Бетти не оставалось ничего иного, как шагнуть в укрытие и оказаться так близко к незнакомцу, что она слышала его учащенное дыхание. Мощная рука обвила ее хрупкую талию.

«Как романтично!», — подумала она, закрывая глаза. Однако того, что произошло в следующий момент, она никак не ожидала.

Исчезла тяжесть в руках и появилась легкость во всем теле, особенно в голове. Неуловимое движение, и Бетти почувствовала себя бесстыдно обнаженной. Приоткрыв глаза, она увидела перед собой такую же непозволительную и всё же притягательную наготу. Она немедленно воспользовалась этим: звонкая пощечина легла на лишенную маски щеку.

— Ой! — незнакомец отшатнулся, глядя на Бетти с изумлением. Очевидно, раньше ему не встречались благовоспитанные девушки. Его же манеры оставляли желать лучшего: вместо того чтобы преклонить колено и продолжить попытки, он нахлобучил на Бетти свою странно тяжелую маску, нацепил на себя снятого с нее льва и бежал с футляром. Вернее, попытался.

44

— Вы арестованы! — Льву преградил путь Красный Дракон. Перепуганной Бетти показалось, что он изрыгает настоящее пламя, так выразительны были его глаза. Одной рукой Дракон вырвал футляр, другой наставил на бывшего Муфлона пистолет.

Бетти отстраненно подумала о том, что с тойгой гармоничнее смотрелось бы оружие белого цвета, и плавно опустила в предписанный приличиями обморок.

Очнулась она в центре зала и всеобщего внимания. Ей предложили нюхательные соли, воду и врача, довольно милого с виду. От солей Бетти отказалась, воду выпила, а доктору позволила найти у себя пульс, который зачастил, как только она обнаружила подле себя Красного Дракона. Увидев, что дама пришла в себя, обладатель пистолета обратился к ней с речью.

— Отважная Львица! Судьба страны, короля и вашего покорного слуги зависят от того, насколько вы сохранили в памяти все перипетии данного карнавала.

— Ах! — вздох, вырвавшийся у Бетти, всколыхнул ее сокровища и окружающих мужчин.

— Мне сообщили, что сегодня на балу предатель встретится со шпионом, чтобы передать секретные бумаги и получить свои сребреники. Я знал, что один из них будет скрываться под маской барана, другой — под маской льва. Увидев, что Муфлон уволок Львицу, я понял — настало время действовать!

— Ох! — внимание, временно перекочевавшее к Дракону, вернулось к Бетти.

— Я оказался прав — бумаги нашлись в футляре. Маска льва была платой за предательство — она из чистого золота. Мне пришлось снять ее с вас, чтобы привести вас в сознание.

— Но как же?

— Увидев вас, я сразу понял, что столь чистое и прекрасное создание не может быть замешано в преступлении. Ведь предатель, как я уже сказал, — мужчина. Поэтому умоляю вас, если вы уже можете говорить, скажите, от кого вы получили этот футляр?

45

Бетти приложила пальцы к вискам, обуздывая мысли, чувства и способность к дедукции. Еще раз глубоко вздохнула и чуть слышно произнесла:

— Она... то есть он скрывается под маской тюдоровской розы!

Толпа масок заволновалась и вытолкнула субтильную Розу под крики «позор!», «какое коварство!». Красный Дракон крепко взял ее за руку.

— Да как вы смеете! — послышался возмущенный голос Элоизы.

Она вырвала руку у Дракона и, несомненно, наградила бы его пощечиной или даже оплеухой, не будь он в маске.

— Бетти, скажи же им!

Отважная Львица опомнилась и завопила:

— Это не та роза! Ищите вторую!

Красный Дракон решительным шагом покинул центр внимания и исчез в глубине зала. От него кругами расходились взбаламученное любопытство и поднятые со дна души подозрения.

— Вот он! Держите!

Дракон нырнул под рояль, а с другой стороны из-под инструмента выскочила вторая Роза, явно уступавшая предыдущей в красоте и грации. Гости шарахнулись в разные стороны. Дракон выскользнул и, потрясая пистолетом, погнался за резвым цветком. Развевались тоги, мелькали маски, рояль громыхал мазуркой, увлекшись азартом погони. Наконец, Роза достигла распахнутого окна в конце зала. На секунду угловатый силуэт замер на фоне бледнеющего неба. Бах! Дракон выстрелил на ходу и попал! Фигура схватилась за пострадавший бок и канула в заоконную пропасть. Не медля ни минуты, Дракон ловко перепрыгнул через подоконник и тоже исчез из виду. Переливы полицейского свистка и топот многочисленных ног поставили окончательную точку в конце этой истории.

46

Пикантный инцидент приятно освежил темы светских бесед. Бетти снискала неодобрение дам своей популярностью. Элоиза излагала свой вариант событий оригинально, но так увлекательно, что убедила даже очевидцев. Было ясно, что этот карнавал надолго останется в памяти участников.

Светлело небо. Опережая солнце, самые торопливые лучи вслепую нашарили распахнутые окна бального зала, поскользнулись на начищенном паркете и рассыпались золотыми зайчиками по смятому серпантину, погасшим блесткам, раздавленному цветку. Утренний ветерок укоризненно качнул драпировку, навел шороху среди мишуры и пробрался под дремлющий рояль, где бок о бок ночевали покинутые маски: лев, дракон, баран и две розы, прикрытые листом бумаги. Ветерок удивленно раздул щеки, поднатужился и перевернул лист. Лукавый зайчик запрыгал по словам «контракт», «представление», «исполнители ролей», «гонорар». Маски молча улыбались, глядя в пол, — они-то умели хранить доверенные им секреты.

Ред.: Мария Головей

Дарья РАЙНЕР

Автор, сценарист, по первому образованию — педагог-переводчик. Пишу в разных жанрах; люблю магический реализм и weird fiction. Победительница конкурсов малой прозы, участница сборников фантастических рассказов. Дебютный роман «Фейрум» не так давно вышел в издательстве «Питер» (серия «Питер.Fantasy»). Веду tg-канал «Книжный артхаус», где рассказываю о книгах, музыке и кино.

ТЕАТР ЖИЗНИ

*Не нравится нам смерть,
но поневоле
актеры с ней играют в унисон.*

47

Р.М. Рильке «Предвкушение смерти»

Весенняя ночь на исходе Страстной недели дышала ладаном и розами, кровью и огнем. По улицам слонялись праздные гуляки. Прибывшие из провинции крестьяне искали повода для драки, и помощи Боже французам, если те попадались им на пути. Призывами к бунту были исписаны стены в кварталах Сан-Марко, и пока дож встречал посланника Бонапарта, а в сенате сочиняли рабелепные письма, из соседней Вероны долетали неутешительные вести.

«Война неминуема», — сквозила горечь в шепоте ветра.

«Венеция обречена», — шелестели антрацитово-черные волны, обнимая колени бесчисленных мостов.

«Мы не можем оставаться в стороне», — кричали банкиры, видя как члены Большого совета бегут из дворца, стремясь остаться неузнанными.

«Viva San Marco!» — несло со всех концов города. В спины аристократам летели насмешки и оскорбления. Охваченные гневом и стыдом горожане не желали сдаваться на милость завоевателя.

В этом беспорядке развернулось и другое действие — не менее драматичное и увлекательное. На Соломенном мосту, спиной к востоку, стоял юноша, худощавый и высокий, с растрепанными волосами, напоминающими сухой тростник, который возили на баржах к причалу. Он смотрел на соседний Мост Вздохов, что соединял здание Новой тюрьмы с Дворцом дождей, и время от времени загибал пальцы на правой руке. В левой он держал черную полумаску Арлекино с длинным носом.

У его ног вилась собака: маленький белый пес беспокойно таялка и норовил вцепиться зубами в сапог. Юноша не прогонял его, но досадливо хмурил брови. Наконец он сбросил камзол и забрался на узкие перила моста. Ветер играл с расстегнутым воротником и раздувал рукава белой рубашки. Юноша занес ногу над пустотой и вдруг понял, что за ним наблюдают.

— Как думаете, синьора, ангелы подхватят меня, если сделаю шаг? — Он опасно покачнулся, но удержал равновесие. Взмахнул руками, будто крыльями, и рассмеялся.

48 — Думаю, ангелы сейчас заняты, — произнес глубокий голос.

Женщина подошла ближе и наклонилась, чтобы погладить пса: тот мигом присмирел и улегся у ног той, в ком признал хозяйку.

— К тому же, — добавила она почти весело, — зачем беспокоить их по пустякам? До воды — семь браччо³, до дна — и того меньше. Только тины наглотаться и костюм испортить.

Юноша вернул ногу на парапет, но спускаться не спешил. Он с интересом разглядывал синьору, уже немолодую, но очень красивую — статную, в пышном платье, будто сошедшую с полотен Пьетро Лонги. Ее медовые кудри были уложены в высокую прическу с двумя острыми шпильками. На груди красовалась брошь в виде змеи, кусающей себя за хвост; карнавальную маску украшали красные ленты. Через плечо был перекинут палантин из расписного шелка.

— Наши жизни — не пустяк, — проговорил он дерзко, с затаенной, почти детской обидой. — Только Он считает иначе.

— У Распорядителя свои правила. Свои причины для... всего.

³ Мера длины, 1 браччо — 0,6 м.

Синьора опустила ладони на каменные перила. Ее взгляд был направлен не на собеседника, а вдаль — туда, где языки костров тянулись к небу. Пасхальное воскресенье подошло к концу.

* * *

Безумец смотрел на тающую луну. Он сидел прямо на булыжниках, лицом к дворцовой капелле. Слева высилась Часовая башня, справа — кампанила Святого Марка с пятью колоколами; позади горели костры. Протяжно выли собаки — невидимые в густых тенях, словно призраки.

Маска безумца была сшита из двух половинок: уродливый шов тянулся от виска к подбородку. Одна половина, похожая на тонкий месяц, лукаво усмехалась, другая — кривила рот в гримасе боли. Синий плащ покрывали пятна грязи; редкие волосы топорщились седым облаком. Старик то бессвязно бормотал молитвы, то принимался горько причитать, обхватив себя за колени и раскачиваясь подобно маятнику.

Когда рядом остановилась темная фигура, он всхлипнул.

49

— Пора?

— Еще нет, — ответил девичий голос. — Не твой черед.

Синьорина лет тринадцати, одетая в просторное домино⁴ с откинутым капюшоном, остановилась за плечом старика. Ее маска была сделана не из кожи или папье-маше, а из костяных пластин: бесстрастный череп скалился пожелтевшими зубами. Таким же бесстрастным оставалось и лицо самой девочки. Пепельные косы тугими змеями лежали на плечах. В пальцах она крутила монетку — серебряный скудо, который то и дело поворачивала к луне крестом.

— Тогда чей? Кого из них хочешь забрать?

Старик вскинул руку и указал на вершину Часовой башни. Там, за парапетом, виднелись две крошечные фигурки: одна в белом, другая в черном. Под ними, этажом ниже, спал крылатый лев в окружении сотни звезд, вечный покровитель Венеции, смеживший веки от усталости и скорби. На циферблате бесновалась золотая стрелка: вот она замерла на римских цифрах XIII, миновав Весы на

⁴ Накидка с рукавами, которую мужчины и женщины надевали на карнавал.

зодиакальном поле, а в следующий миг сравнялась со Львом. На отметке XVI механизм пришел в движение: колокол ударил раньше времени, отчаянно и глухо.

С неба отозвался гром; луна окончательно скрылась, проглоченная тучами. Старик уронил маску на ладони и захныкал, как младенец.

— Мои желания не важны. — Девочка опустила руку в черной перчатке на его плечо в скупом жесте утешения. — Это их судьба... Их выбор. Нам остается только ждать.

Безумец часто закивал и перекрестился.

— Ибо кроток Я и смирен сердцем, — зашептал он, распластавшись на коленях. — И найдете покой вашим душам... Ведь ярмо Мое — не в тягость, и ноша Моя легка⁵. — Он уткнулся лбом в кирпичную кладку, слыша, как рядом упала монета, подброшенная в последний раз.

50 По небу пробежала трещина. Молния сверкнула раз, второй, третий... и ударила в башенный шпиль.

* * *

Редкие капли падали с неба. Одна из них скатилась по стенке пустого кубка, стоявшего на парапете, и замерла на дне, тут же почернев. Другая упала на второй кубок — опрокинутый, он лежал рядом.

На крыше Часовой башни танцевали двое. С террасы открывался вид на площадь Святого Марка, еще недавно наводненную толпой празднующих и протестующих, а сейчас — утонувшую в блаженной тишине.

Лицо молодой женщины скрывала маска ангела: белоснежная, украшенная золотыми нитями, от висков поднимались крылья из лебяжьего пуха, а надо лбом красовался лучистый венец. Платье синьорины было расшито под стать маске. Серебряные бусины на лифе складывались в квадрат, золотые — в треугольник; на пышной юбке расцветали желтые ирисы.

⁵ Евангелие от Матфея 11:29

Мужчина, напротив, не носил маски — лишь тонкий золотой обруч на смоляных кудрях. Резкие черты лица, будто высеченные из каррарского мрамора, смягчались, когда он ловил ответный взгляд спутницы. Темные одежды синьора были расшиты ветвистыми узорами, напоминающими молнии. В глубоко посаженных глазах плясали огненные всполохи.

— Если бы я мог остановить время, — сказал синьор, — то сделал бы это сейчас.

— Пока я рядом, вы даже город разрушить не можете, — был ответ. Дыхание сбилось, и с каждым шагом грудь Ангела вздымалась всё чаще. — Да и к тому же... зачем вам время?

Мужчина нахмурился, замедлив шаг, а затем и вовсе остановился, но не выпустил руки своей спутницы. Он смотрел на пару кубков. Капля дождя стекала по его щеке.

— Это была глупая затея.

— *In vino veritas*, вы сами сказали. Мы бы не решили этот спор своими силами. Ни один бы не сдался, ведь мы просто не можем... не играть. — Ангел приложила ладонь к груди. — Поэтому нас рассудит судьба. Слепая Фортуна. Усмирите свой буйный нрав... хотя бы раз. Осталось недолго.

— Позвольте? — Он протянул руку к маске.

Она перехватила его запястье и долго смотрела в темные глаза — как в обсидиановые воды лагуны или угольное небо над головой, — а потом кивнула.

Пальцы синьора дотронулись до ангельских крыльев. Бережно, с неожиданной чуткостью сняли маску и распутали тесьму на затылке. Коснулись светлых кудряшек надо лбом.

Ангел, лишенная роли, прерывисто вздохнула.

— Ну вот и всё. Какое облегчение!

— Разве? — Он жадно изучал ее лицо, придерживая другой рукой за талию, чтобы Ангел не упала на холодные камни.

— Да. — По бледному лицу пробежала судорога, но уже через мгновение она слабо улыбнулась. — Обещайте, что не будет войны. Даже если Республика падет, город уцелеет.

— Я бы мог солгать.

— Скажите прямо! Не мучайте меня... больше, чем положено.

Лицо синьора отразило отчаяние — мрачным, непримиримым зеркалом. И столь же отчаянным был его поцелуй, оставленный на губах Ангела.

— Обещаю.

Она кивнула и покачнулась. Руки в белых перчатках безжизненно повисли вдоль тела. Сердце, которое билось в последние минуты невыносимо часто, замерло, как золотая стрелка на часах. Вместе с последним ударом колокола на город обрушился ливень.

Казалось, сама башня покачнулась. И весь мир.

52

* * *

Он сбежал по узкой лестнице, минуя часовой механизм, и прошел сквозь арку, ведущую к Мерчерии — главной торговой улице, что связывала площадь с кварталом Риальто. По дороге ему встретилась хрупкая фигура в черном. Молчаливая и собранная, она не удостоила синьора даже взглядом. Только взметнулись пепельные косы, и в мыслях прозвучало страшное: «Убийца».

Сорванный обруч упал на мостовую, покатился со звоном в сточную канаву. Стена ближайшего дома оскалилась трещиной; кирпичная пыль посыпалась под ноги синьору. Он запоздало разжал кулаки.

Вот кем он был, *убийцей*. Безымянным. Тем, кто умел одно — разрушать. И кому по жестокой иронии Судьбы — или безликого Распорядителя? — было позволено жить.

Великая Игра продолжалась, но теперь уже не имела смысла.

Должно быть, так чувствовали себя глупые дзанни⁶ из комедийных пьес, навсегда застывшие в образах — всё равно что запертые в тюрьме своих костюмов. Но у актера оставался выбор: он мог уйти со сцены и мирно рыбачить у острова Маццорбо, в то время как на сцене Театра жизни приходилось играть по чужим законам. С тех пор как «счастливец» примерял маску, он больше не принадлежал себе, становясь владельцем непостижимой силы — стихийной, как огненный шторм, сметающей всё на своем пути. Или спасительной, как пламя свечи, указывающей путь во мраке. Каждому — по заслугам. Хаос и порядок шли рука об руку: при равном числе игроков исход партии был непредсказуем. Тот, кто звал себя Распорядителем, не делал ставок. Он лишь наблюдал.

«Осталось недолго».

Безымянный мысленно повторил слова Ангела, не желая прощаться с ее голосом.

Стены домов обступили его, уводя всё глубже в лабиринт, а дождь продолжал хлестать по лицу. «Я же говорю вам: злему не противься, но если кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему другую»⁷.

53

Он вдруг рассмеялся, как безумец, поняв, что не знает, куда повернуть.

Десять лет, проведенные вдали от родины, ничего не значили: он вырос здесь и знал Венецию как свои пять пальцев. И несмотря на это ощущал себя потерянным ребенком, заблудившимся в каменном лесу, где не горели масляные фонари.

— Вы ищете дорогу, господин?

Навстречу вышла девушка — босая простолюдинка без плаща, в тонком платье, облепившем тело. С рыжих волос стекала вода; шею охватывал шнурок с подвеской в виде глиняной птички. На холщовой маске грубой нитью были вышиты звезды — числом восемь. Одна желтая — над переносицей — и семь белых.

⁶ Группа персонажей-слуг в итальянской комедии дель арте, среди которых Бригелла, Арлекин и др.

⁷ Евангелие от Матфея 5:39.

— Я не... — Он мотнул головой, не желая признавать слабость.
— Не знаю. Возможно.

— Идемте. — Она шагнула ближе и протянула ладонь. Столь же легко и безрассудно, как артист бродячего цирка, кладущий руку в львиную пасть.

— Куда?

Девушка улыбнулась, глядя на него с кроткой нежностью и... прощением? Так сестра могла смотреть на потерянного, но всё же любимого брата, вернувшегося домой после долгих скитаний.

— Искать ответы.

Когда они вышли к каналу Грандо, дождь прекратился. За розовыми стеклами фонарей плясали огоньки.

— И какой вопрос будет первым? — Он вдохнул полной грудью, чувствуя, как злость растворяется, подобно кристаллам морской соли.

54 — О, это просто! Я бы сказала «что дальше?», но ответа придется подождать.

Девушка невозмутимо села на край деревянного причала и опустила ноги в воду. Небо на востоке светлело, окрашивая волны в оттенки авантюрина с мерцающими в глубине песчинками звезд.

* * *

— Как думаете, синьора, кто он такой? Наш Распорядитель.

Юноша уже не стоял, а сидел на парапете, игриво покачивая ногой. Собака дремала, положив голову на лапы.

— Ты единственный из нас, кто видел его так же отчетливо и близко, как меня сейчас. Что скажешь? — В ее мудрых глазах мелькнул интерес.

— Ну-у, не Господь Бог уж точно! И не Дьявол, того я видал еще ближе, пока он ходил среди нас... Я просто подумал: мы примеряем на себя нечто большее, но под масками остаются лица. Настоящие, понимаете? Живые. А у него — нет. Как будто пустота. Нечто совсем... — он пожевал губу, пытаясь подобрать верное слово, — *чуждое*.

— И всё же он собирает нас вместе. Делит поровну.

— Именно! Будто на весы кладет, — фыркнул юноша. — Или ставит на шахматную доску и ждет, кто окажется пешкой, а кто — Императором.

Синьора уловила в его словах двойное дно, и улыбка вышла печальной.

— В этот раз весы качнулись в сторону хаоса.

— Ну не скажите! Могло быть хуже, — возразил он. — Мне кажется, сыграли вничью.

— Хорошо, если так.

Какое-то время они молчали, слушая плеск воды и думая каждый о своем.

Наконец, ударил колокол.

— Мы еще увидимся? — Юноша и сам не знал, на какой ответ рассчитывал.

— Как и всегда. Быть может, через сотню лет.

— Но это будем уже не мы.

Она кивнула. Сняла маску и бросила в воду. Без нее синьора оказалась еще красивее.

— Мир тебе, — сказала она напоследок, прежде чем скрыться в одной из арок. Только палантин, сорванный ветром, остался лежать на мостовой.

Над обреченным городом вставало солнце.

Ред.: Ирина Натфуллина

Иллюстрация: Виктор Лукьянов

Виктория ЗИНИНА

Большую часть жизни провела в Красноярске, окончила филологический факультет СПбГУ. Сейчас проживаю в Санкт-Петербурге, преподаю итальянский, французский, английский языки. Публиковалась в литературных журналах и сборниках (как в России, так и за границей), принимала участие в семинарах, летних школах и других петербургских инициативах. Путешествую, пою, восторгаюсь и ищу точки соприкосновения.

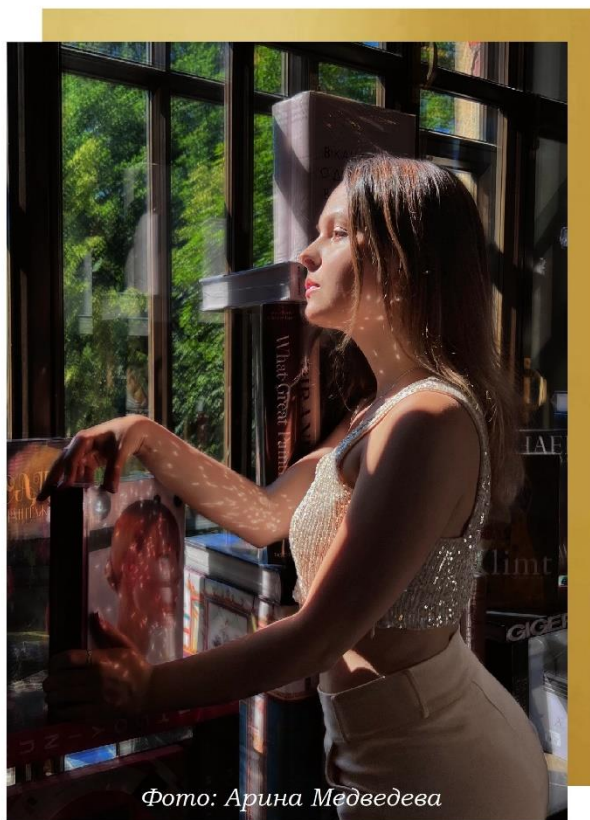

Фото: Арина Медведева

57

САНТА МУЭРТЕ

Я бросила взгляд в окно, на календарь, а потом на свои руки, все в песчинках и трещинках. Мерида не меняется, тело не молодеет, время не щадит никого.

— Дорогая, укладывайся. Завтра важный день, надо хорошо выспаться.

— Я не хочу засыпать.

— Что такое?

— Мне страшно.

Жемчужная сережка мягко соскользнула на пол. Я подняла ее и вернула на прикроватный столик, туда, где она и должна быть.

— Тоже задумалась о быстротечности времени и неминуемой старости? Что ж, в загробной жизни...

— Нет, ба, мне до этого еще долго.

— А что тогда? Расскажи мне, что тревожит твою душу?

— М-м, я боюсь, что ночью к нам кто-то влезет.

— Мы закрыли все окна и заперли все двери, никто не должен.

— А...

— Разве что какой-нибудь заблудший призрак. Но это редкость, дитя, редкость.

Я подмигиваю ей, и она отвечает мне, неуверенно моргая.

— Скажи, чего ты боишься, юная воительница?

— Я хотела сказать, а как же?..

— Будь уверена, злые духи нас не беспокоят.

— А вдруг они *уже* здесь? Вдруг они спрячутся в шкафу или под кроватью? Они вселятся в тебя, и ты съешь меня и не подавишься ни одной косточкой! Проглотишь и не подавишься!

58 Она залиvisto смеется, пока я ее щекочу, изображая голодную, ненасытную бабку, которая сама уже вот-вот станет бесплотным духом и будет являться к внучке только раз в год, в первых числах ноября.

— Откуда у тебя взялся этот страх? Опиши мне его, ну же.

— Я не могу объяснить, я просто знаю. Я чувствую это в руках, на кончиках пальцев, и по всему телу. Мурашки, но неприятные, и холод, а потом жар, как будто я на костре, и дует ветер.

— Чапарра⁸, у меня есть кое-что для тебя.

— Подарок ко дню рождения?

— Ха-ха, не совсем, было бы слишком рано.

В глазках мгновенно потух радостный огонек, и они наполнились слезами. Бровки нахмурились, нависли молниями — вот-вот хлынет дождь.

— Возьми. Это тебе поможет. На тот случай, если страх станет слишком сильным.

— Те киро мучо, абуэлита⁹!

⁸ Малышка (мекс.).

⁹ Я очень тебя люблю, бабушка! (мекс.)

* * *

В кармане юбки у нее лежало обсидиановое зеркальце, талисман, доставшийся от прабабушки. Идеально гладкий и прохладный в тени, он нагревался каждый раз, когда она прикасалась к нему, менял свою форму, показывая, как зубы, неровный край со сколами. И она могла выхватить его в самый неожиданный момент, разорвав мужу гортань, изуродовав лицо, но у нее никогда не поднималась рука это сделать. Ее сковывал страх, страх отмщения, страх смерти, а значит, пальцы только впивались в камень, бесцельно и безрезультатно, не оставляя ни малейшего шанса на ответный удар.

Но вот однажды во время скандала Диего полез к ней не под юбку, как обычно, а прямо в карман, и понял, что сжимала ее рука.

Он слизнул кровь с уколотого пальца и ухмыльнулся. В глазах его плясали черти, плясали и разбегались, а потом остался тот, единственный — она его уже видела, и видела не раз, — Дьявол. Когда он выходил в мир, всем ангелам становилось тесно, как в комнатухе, и души стремились в небо. Каждый раз умирал кто-то безвинный: ребенок ли, старушка, прожившая праведную и такую скучную жизнь, или ксолоицкуинтли, бродящий поблизости. Наш ксоло давно ушел, исчез, растворился в дымке утра в тот день, когда порог дома переступил Диего. Она помнит, как они с братом еще шутили, что душа ксоло перешла в тело Диего и продолжает охранять дом. По старинному мексиканскому поверью, ксоло отгоняет мрак, защищает от зла и прогоняет нечистую силу. Если честно, она не хотела проверять, так ли это, но собаку любила и заботилась о ней, как о своем ребенке.

Усы Диего щекотали шею, двигались как змеи. Она чувствовала себя новой Фридой, словно время не сдвинулось с места, оно застыло, и то, что было много лет назад, должно повториться вновь. Сам ход истории определил *сейчас*, и сейчас было больно. Но это пройдет. Побои сменялись любовью, пощечины — ласками. Конца и края не было презрению и обожанию, поклонению, чередующемуся с ненавистью. Она принимала судьбу с покорностью собаки, не смеющей ослушаться хозяина. Сидя на стуле с неестественно прямой спиной (как после травмы позвоночника, — снова мысленно сравнила себя с Фридой), она рассеянно поглаживала пропавшую ксоло.

Разбилось зеркало — к несчастью.

Она вглядывалась в себя, в тот осколок зеркала, который остался после ухода Диего. Он напоминал полумесяц, кусочек луны. Она надкусила ее, медленно, словно пробуя на вкус. Луна ей понравилась: в следующую минуту лицо исказила улыбка, широкая, от уха до уха.

* * *

Краска ложилась на кожу слоями, словно штукатурка на стены старого дома. Кровавая улыбка казалась неестественно реалистичной, густой смоляной черной блестел, растекаясь по телу, белым сияли кости. Кисточка гуляла по щекам, с озорством дорисовывая завитушки, прорисовывая пустоты в глазницах черепа. Она взбила волосы. Ярче, пышнее, страшнее. Подготовка к карнавалу в полном разгаре.

На кухне суетился кто-то в легком пончо с вышитыми цветами. Из печи показался хлеб мертвых. Кухарка покрывала разноцветной глазурью марципановые головы, рассказывая призракам, единственным слушателям, грязные байки про священников Мерида. Еще немного, и всё готово.

60

Мы три дня украшали ее могилу и алтари других родственников: «калавера Катрина», цветы, гирлянды, разнокрылые алебрихе. Повсюду стояла текила и банки пива с неоновыми этикетками. Жемчужные серьги она положила рядом с самым ярким черепом. Да здравствует жизнь.

Свечи указывали путь к дому, как светлячки, то потухая, то зажигаясь вновь. Музыка становилась всё громче: мариачи, маримба, кумбия. Дети плакали и кричали.

«В Диа де лос Муэртос¹⁰ мертвые навещают живых, а живые могут нечаянно переступить границы миров и зайти к мертвым. Только после того, как ступишь на их землю, уже не выбраться, — вещал голос. — Именно поэтому держитесь за ваших папу и маму».

Мы прошли мимо торговцев сладостями и шагали по мощеной мостовой в тишине. Издалека кладбище горело оранжевым, в воздухе тлели горькая полынь и прелые листья.

— Что это? — спросил чей-то ребенок.

— Бархатцы.

¹⁰ День Мертвых (мекс.).

Толпа шествовала к могилам.

— Почему я не могу родить ребенка? — вырвалось у нее.

Диего приобнял жену и нежно взял ее за подбородок, поворачивая лицо к своему. Слишком близко.

— Детка, не отчаивайся, и у нас получится.

Она отвернулась. В уголках рта запеклась кровь.

— Я бесплодна. Ты знаешь. Все знают. Со мной что-то не так.

— Немного терпения, моя красота. Главное — не переставать пытаться. Наш мальчик будет самым крепким и здоровым, вот увидишь. Все будут его бояться.

— Мальчик?!

Она оттолкнула его. Он присел на корточки и дрожал.

Она испугалась и наклонилась к мужу, готовая вымаливать прощение. Но нет.

Его разбирал смех.

Давясь тягучей слюной, он смог произнести одну фразу.

— Девочка мне не нужна.

— А если родится именно она?

Вопрос повис в воздухе. Ответ был очевиден и черен, как сломанное зеркальце.

Принесем ее в жертву. Так было всегда.

* * *

Они раскуривали трубки, передавая их из рук в руки, «ловили дракона», хватаясь за пылающий хвост, двигались в экстазе, блаженно улыбаясь, раздевались и одевались в чужую одежду. Только на карнавале можно было побыть толпой, раствориться в общем хаосе и безумии, забывая про собственные пороки и сумасшествие, прикрываясь черепами других, умерших людей. Веселье понарошку перерастало в настоящее пиршество, красочные черепа в реальные кости. На пятки наступала глубокая ночь. И во тьме кровь хлынула чернотой. Пляски смерти.

Они поднимали ноги, ноги поднимали объемные юбки с оборками, за ними показывались чулки, испачканные алым. Земля

трескалась и трещала, расходилась по швам. А они смеялись нечеловеческими голосами, маски с человеческими чертами, ничего не выражавшими, мумии в белой пелене неведения, поглощенные экстазом и мороком вечной жизни. В гипнотическом танце гремели кости, радостный смех в ночи жутко расходился эхом. Собравшиеся потянулись к ней руками, словно желая оторвать от нее по кусочку. Парики слезали с черепов, обнажая кусочки обгоревшей кожи.

Дамы и джентльмены перебивали друг друга, разрывая ее во все стороны:

- Это она, она вернулась!
- Она никуда и не уходила.
- Белая девочка!
- Костлявая!
- Белая сеньора!
- Белая смерть!
- Мы голодны. Мы очень голодны.
- Я не ела девяносто шесть дней, с самого дня моей смерти.
- А я девяносто шесть месяцев.
- А я двести девяносто шесть лет.
- Мы можем откусить от тебя небольшой кусочек? Скажем,

62

ухо?

Она вертелась на вертеле над костром, полуживая, хищно улыбаясь. Ей служат. Она уравнивает богатых и бедных, ей всё равно. Ей молятся, ее почитают. И у нее скоро родится ребенок.

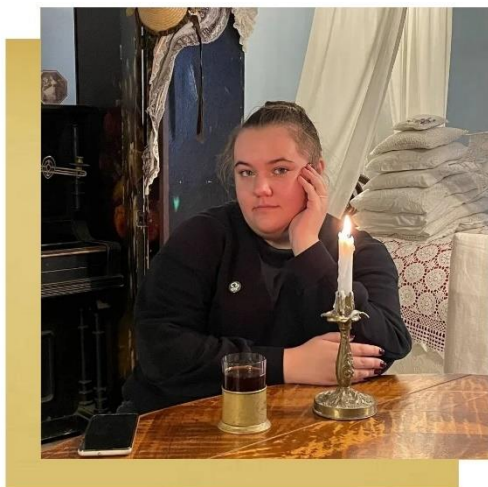
Девочка.

Собаки сошли с ума, коллективно и бесповоротно: они откусывали руки и ноги хозяев, виляя хвостами, лаяли на живых и на мертвых. И те, кто был живым, стал мертвым, и мертвые обратились живыми. И каждый встал на место другого, и каждый почувствовал себя по-настоящему свободным и живым. Навечно. До самого конца. И в соседнем городе прогремели фейерверки и окатили всех жителей искрами. А над Меридой темнела пустота.

«По ночам в больнице вокруг моей кровати танцевала смерть»,
— кажется, так говорила Фрида.

Да здравствует Смерть.

Ред.: Ирина Натфуллина

Дарья ЛУКЪЯНЧИКОВА

Писательница, художница, журналистка, классная девчонка. Родилась и выросла в Москве, сейчас тружусь редактором на телеканале «360» и учусь на журфаке РГСУ. Веду микроблог, очень люблю рисовать и фотографировать. Искренне верю в то, что творчество — это бесконечный эксперимент, и нужно попробовать всё, прежде чем найти что-то своё.

БАЯДЕРА

Лондон встречал сухой пасмурной осенью. Это было, надо вам сказать, весьма редкое явление в этом городе, особенно для конца октября. Я не видел такой осени очень и очень давно. Яркие рыжие листья еще не до конца опали, желтая трава робко колыхалась на ветру. Даже туман куда-то отступил. Было ярко. И светло. Знаете, когда ты почти всю жизнь живешь в городе, заточенном в гранитные мостовые и мраморные набережные, то начинаешь невольно радоваться простым вещам. Ничего не имею против гранитных мостовых! Лондон — очень технологичный город. В конце концов, именно здесь впервые в мире несколько десятилетий назад додумались опустить поезда под землю. Так и появилось метро. Но сейчас я в нем не нуждаюсь.

Я только сошел с поезда на вокзале Сент-Панкрас. Состав прибыл на станцию в 9:19, опоздав на четыре минуты. Не критично и ожидаемо. Сегодня я никуда не спешил: лекция была назначена на десять утра ровно, в библиотеке Университетского колледжа Лондона. От Сент-Панкраса это двадцать минут медленным шагом через Гордон-сквер. Гулять пешком мне нравилось: прогулка придавала ясность уму и расслабляла, помогала рассеять мрачные мысли. А их отчего-то было много. Я прожил достаточно насыщенную жизнь, заслужив и седину на висках, и ученую степень, и мировые публикации. Кстати, позвольте представиться. Профессор Джеймс Джонсон, сорок семь лет, востоковед, холост. Выпустился я из того самого Университетского колледжа почти тридцать лет назад. Студенческие годы были порой хоть и мимолетной, но достаточно светлой и насыщенной. Может, я не стал главной звездой выпуска, но

фундамент для жизни получил хороший. После колледжа долго жил в Индии. Это не входило в мой изначальный план, но я рад, что обстоятельства сложились именно так, а не иначе: то были обстоятельства, а не мой выбор. В юные годы меня всё-таки больше привлекал Китай. А сейчас я один из самых известных индологов во всем Соединенном Королевстве. Да, я горжусь этим. Но эти... Эти ревушие двадцатые...

Что-то невидимое колыхало старушку Европу. Как будто бы вороны в поле поняли, что пугало ненастоящее, и теперь пытались скинуть его с шеста ударами мощных крыльев. Волнения в Индии были сильные, выливались в открытые антибританские настроения. Собственно, именно из-за них я был вынужден вернуться три года назад из Дели обратно в Англию и поселиться на окраине Лондона. Наше правительство почему-то ожидало кровавого бунта и какой-то резни, разговоров об этом было много: например, с утра в поезде я слышал, как пожилая леди рассказывала своим попутчицам в накрахмаленных чепчиках о том, как неприкасаемые живьем сожгли трех британских солдат. Я не поверил. Эту байку я слышал еще на первом курсе от моего приятеля Айвана, только рассказывал он ее интереснее. Нет, в насильственный исход я не верил, тем более, индусам с их мировоззрением философия сантьяграхи была куда ближе.

64

Не возьмусь рассуждать о том, что будет, в конце концов, я не предсказатель со стеклянным шаром, да и даже предполагать здесь было бы тяжело. Но что-то точно изменится. Сильно изменится. Так я и шел, погруженный в свои мысли, тихо шаркая по плитке и с хрустом раздавливая ботинками случайные сухие листочки. Мимо, гудя мотором и поскрипывая корпусом, проехал новенький Ford T, и я невольно обернулся ему вслед. Автомобилей на дорогах становилось всё больше и больше. Это вызывало приятное удивление.

В общем, так я и шел, думая о жизни, об истории, о текущей политической обстановке... О всяком разном и неприятном, о чем только люди могут думать с утра. Казалось, именно за этим меня сегодня и позвали — обсудить прошлое и возможное будущее британских индийских колоний. Но нет, всё оказалось куда проще. Я шел читать вводный курс первокурсникам-искусствоведам на тему связи индуизма и декоративно-изобразительного искусства в Индии. Хорошая тема, простая и интересная. Признаться, говорить о ней я мог часами. Именно поэтому мой приятель Айван, учившийся вместе со мной на курсе, а теперь работающий методистом на нашем

факультете, поставил ограничение по времени в три часа с перерывом. Ну и ладно. Я и так справлюсь.

За размышлениями не заметил, как ноги сами донесли меня до огромного здания библиотеки с широкой лестницей. Я остановился и посмотрел на наручные часы. 9:38. Прекрасно. У входа меня уже ждала девушка-библиотекарь. У нее были очень светлые волосы, завитые крупными локонами, тонкие брови, выщипанные по моде, и красивый розовый костюм с юбкой. Я знал ее, уже видел на своих лекциях, но имя ее, к своему стыду, забыл. Поэтому, когда она поприветствовала меня, я лишь скромно улыбнулся и кивнул. Она сказала, что отведет меня в нужную аудиторию, и я снова покорно кивнул. Можно было построить из себя всезнайку и сказать, что я и без того помню все эти коридоры, но нет. Эти коридоры уже были другими. Всё текло и менялось. Но это и хорошо. Трещины в потолке замазали штукатуркой, в читальном зале обновили мебель — теперь там всем хватало места за столами, а стулья не скрипели при каждом движении. Я даже слегка позавидовал молодежи.

Блондинка отвела меня в аудиторию, где, кроме меня, пока никого не было, и я принялся раскладывать материалы. Конечно же, я подготовился. Принес с собой фотокарточки и репродукции, книги с иллюстрациями, и, конечно же, духи. Мои лекции в основном посещали юные прекрасные особы, и мне очень нравилось удивлять их красотою востока и терпкими пряными ароматами. Пока у меня дома не кончились благовония, я приносил и их — поджигал с каждой группой — но когда я уезжал из Дели, то собирался впопыхах и как-то даже не подумал купить запас сувениров. Признаться, единственное, о чем я переживал, так это о том, что больше никогда не попробую палак панир. И не зря переживал: в Лондоне его подают очень редко и готовят очень плохо.

Разложив учебники, я присел за длинный стол и вздохнул. Хотелось очистить мысли от всего ненужного. Блондинка любезно принесла мне тематический плакат, иллюстрирующий разнообразие божественного пантеона в индуизме, за что я снова поблагодарил ее. В аудиторию начали стекаться студенты, и девушка заняла место среди них. Я следил за бегающей молодежью абсолютно рассеянным взглядом. Стоит отметить, что публика мне попалась хорошая. Ближе к началу они окончательно расселись и замолчали. Еще раз сверившись с наручными часами, я встал, поприветствовал собравшихся и объявил тему лекции. А потом просто... Говорил.

Говорил про трех богов: про Брахму, который создал мир, про Вишну, который хранил его и берег, и про Шиву — разрушителя.

Рассказал про невероятных размеров храмовые комплексы, в которых я в юности бегал босыми ногами, чьи статуи и рельефы приходил рассматривать позже. Знаю, они и без того кажутся огромными и величественными на картинках, но в жизни это что-то совсем иное, будто бы сотканное из тончайших материй бытия, и выстроенное на фундаменте строгих, но благосклонных убеждений. Рассказал и про знаменитый Тадж-Махал. Он был громадным, полностью каменным, но мне он казался легким, словно воздушный замок, свободным, и, главное, тихим. Странно, но это самое яркое, что я запомнил оттуда. Толпы паломников, местные, живущие почти впритык к мавзолею — и тишина. Громкая тишина, звенящая, заполняющая собой всё. Помню, я очень боялся ее разрушить и шел, практически не наступая на пол. Показал и фотокарточки. Я очень гордился своей коллекцией снимков из Красного форта в Агре. Как минимум, из-за того, что пришлось два дня тащить на себе огромную фотокамеру, чтобы сделать их. Сейчас я бы не решился на такие подвиги, но что только не сотворишь по молодости и глупости! Фотографии получились шикарные. Да и место само по себе будто бы отправляло тебя в Древнюю Индию. Казалось, в форте время просто замерло. Шумные рынки, огромные прилавки со специями и финиками, пестрые ткани, цокающие копыта ослов, везущих на себе тюки с товарами... И да, тогда я был, как те ослы. Только с фотокамерой. О, и слоны! Конечно же, я рассказал студентам про слонов.

В общем, если отбросить в сторону самоиронию, то лекция удалась на славу. Как минимум, меня слушали и задавали вопросы. Вовлеченность аудитории — вот что, как я считал, определяло успех лектора. Вопросы, кстати, были самые разные. Про экзотические растения, про систему богов, про театры, про традиционные празднования. И уже когда я решил, что мы закончили, девушка, сопроводившая меня до аудитории, подняла руку, мило улыбнулась, и, привстав с места, спросила меня:

— Профессор Джонсон, скажите, пожалуйста, почему из всего разнообразия восточных стран вы выбрали именно Индию? Может быть, что-то послужило отправной точкой, вы не помните?

Я открыл рот и задумался. Господи, ну конечно же! Конечно же, я помнил.

Дело было почти тридцать лет назад, когда я сам был таким же студентом, как и те молодые люди, что сидят сейчас передо мной. Я только выпустился и не знал до конца, чем именно займусь. Моя мама служила оперной певицей, и большую часть детства я провел в ее

примерке театра. Я видел множество музыкальных спектаклей, застал и гастроль китайской труппы. Тогда это показалось мне очень пленительным, да и сам Китай в те годы был окутан заманчивой дымкой тайны, которую мне так хотелось хоть немного развеять, заглянуть туда, куда никто не заглядывал. Когда я повзрослел, Китай отчего-то перестал казаться мне таким мистическим. Однако стать именно китаистом было моим единственным планом. Как я уже говорил, у жизни на меня были другие виды. Обстоятельства складывались совсем не так, как мне представлялось. Если честно, я просто держал в голове картинку, а что с ней делать, не имел понятия. Всё решил случай. Мой приятель предложил съездить на полгода в Индию развеяться, подумать о жизни. Его отец держал огромные чайные плантации, небольшую коммерчески успешную сеть магазинов с чаем и приправами в центре Лондона и несколько чайных точек в Бирмингеме. Думаю, не стоит говорить, что их семья была более чем обеспеченной. Ждали меня исключительно в качестве гостя и приятной компании, и отказались брать с меня хоть какие-то деньги за паром или проживание. Когда молодому человеку выпадает возможность увидеть мир, при этом не заплатив ни цента, он соглашается, не раздумывая. Согласился и я.

67

Переpravу я не помню. Помню, было шумно, мои приятели играли в карты с моряками, по вечерам кто-то скрипел на аккордеоне. Меня тогда схватила и несколько раз вывернула наизнанку морская болезнь. Еще бы, я впервые так далеко куда-то плыл! Поэтому сошествию на берег Индийских колоний я радовался больше всех. Потом еще почти сутки мы тряслись в поезде. К своему стыду, я и не знал, что в Индии уже развито железнодорожное сообщение. Я представлял себе этот край исключительно диким, живущим чуть ли не в джунглях. Думаю, мое невежество простительно: я был глупым юнцом.

Добравшись до нужного места, я был ужасно вымотан и уже не видел в этой затее ничего лестного. Было жарко, ужасно жарко — не сравнится с Англией — и очень душно, влажно: парило, но в небе не было ни намека даже на малейшее облачко. Казалось, у солнца здесь были какие-то счеты со мной, и оно хотело зажарить меня, как бекон к утреннему омлету. Встретили нас хорошо. Я перестал ныть, когда мне показали отдельную комнату с окнами под потолком, мозаикой голубого цвета на полу и огромной мягкой кроватью. Дом был больше похож на дворец. Сначала даже показалось, что мы приехали сюда на экскурсию. Оно и не удивительно. Всё было построено из камня и отделано мрамором цвета слоновой кости. Очевидно, что строили этот дом на манер старой Англии. Это было вытянутое здание с

небольшими треугольными крышами, которые были украшены каким-то красным камнем, с флигелем, с маленькими балкончиками и фасадами с рельефами львов и тигров на них. Но было в этом стиле что-то такое, совершенно не наше. Я не могу назвать это чем-то восточным. Подобное я видел впервые.

В этом роскошном доме мы вели совершенно праздную жизнь: выпивали, устраивали ужины, играли в карты, травили байки, иногда ходили в гости в соседние дома. Поблизости все были плантаторами из Англии, и в целом их быт не отличался от нашего. Я жил, как праздный отшельник. Никуда не выходил. А когда не был занят разгульем, то читал книжки. Пытался выучить хинди. Не очень мне понравилось в Индии, и я уже ждал скорейшего возвращения домой, думал начать готовиться к экзамену на синолога.

68 Всё изменил один день и один невероятный случай. Это был конец октября, как сейчас. Осени в Индии были совершенно другими. Ничего не увядало, не меняло свой цвет. Солнце наконец-то переставало печь. Я бездельничал — собственно, ничего нового. Моим спутникам к тому моменту бездельничать надоело. Они узнали от местных на базаре, что сегодня будет отмечаться большой индийский праздник — Дивали. Он имел важное значение для индусов: означал в их культуре победу света над тьмой. В честь этого повсюду зажигали огромное множество свечей и фонариков, и ночью на главных улицах становилось светло, будто бы днем. Это было воистину огромное торжество, его праздновали пять дней подряд. Собственно, из-за его символизма мы и решили, что Дивали похож на наш День всех святых. Мы успели соскучиться по дому и по дурацким костюмам, а поэтому решили устроить свою вечеринку.

Начались приготовления. Мы убрали весь дом, позвали к вечеру гостей и принялись организовывать торжество. Было решено устроить бал-маскарад с индийским акцентом. Слуги-индусы, жившие в доме, внезапно оказались только рады нашей такой бурной деятельности. Старик-дворецкий Ямир даже достал нам откуда-то фейерверки. Он сказал, что это было очень хорошей традицией — запускать фейерверки, и чем ярче будут огни, тем счастливее будет год, богаче. Он много чего рассказывал в тот вечер, но я не слушал. Как выяснилось позже, зря. Но ведь я плохо его понимал! Знаете, даже если индус хорошо знает английский язык, говорит он на нем обычно с сильным своеобразным акцентом.

Мы были молоды, мы были свободны, нам хотелось веселья и развлечений, мы не думали о каком-то великом смысле этого торжества. Всё, чем были заняты наши мысли — вечерний маскарад.

Мои товарищи решили сделать маски с лицами индуистских богов. Как могли, так и сделали, в общем-то. От традиционного изображения они оказались далеки, но были очень красочны. Кто-то приклеивал перья, камушки, обсыпал маски блестками, рисовал огромные глаза. Мы почувствовали себя детьми. Но я так не переживал. Просто намотал на голову оранжевый тюрбан и нарисовал красную точку на лбу. Помимо костюмов, нам нужно было зажечь масляные лампы. Они назывались дия. Мы купили на рынке сразу несколько коробок и принялись расставлять наши будущие фонарики вокруг дома, на балконах и в большом зале, в котором планировали устраивать танцы. Фонариков оказалось так много, что мы зажигали их несколько часов, а когда закончили, даже не заметили, как стемнело. Маленькие желтенькие огоньки заполнили светом и теплом всё вокруг.

Вскоре начали собираться гости. В масках, в костюмах, какие-то леди даже решили выгулять свои платья, привезенные из Англии. Играл местный оркестр. Я не слышал до того дня этих мелодий, но они были очень ритмичны, и мы даже могли под них танцевать. Собралось очень много гостей, и среди них было немало девушек. Все — красивые и очень элегантные. Но смотрел я в тот день только на одну.

69

У нее был интересный костюм: традиционное сари, расшитое золотыми нитями, и огромная маска голубого слона. Ее темные волосы были распущены, они были очень длинные и волнистые, но, казалось, нисколько ей не мешали. А как она танцевала... Меня не увлекал ни ритм музыки, ни чужие разговоры, ни общие танцы, ни интересные рассказы. Только она! Я набрался решимости и вышел танцевать с ней. Она, казалось, была этому только рада. Я пытался заговорить с ней, шутил, но девушка лишь залиvisto и звонко смеялась, не ответив мне ни слова. Монетки на ее сари тихо звенели в такт ее движениям, руки двигались так плавно, будто бы в них вовсе не было костей, браслеты на запястьях из крупных бусин перекатывались туда-сюда, и это гипнотизировало. Не представляю, сколько времени прошло с того момента, как я вышел к ней танцевать, по моим ощущениям, миг, и мне так не хотелось, чтобы этот миг заканчивался! Как сейчас, помню ее длинные пышные волосы, бронзовую кожу с отблесками огней, изящные тонкие кисти рук. Это было словно наваждение. Таких девушек я не видел никогда. Ни до, ни после. Она словно была не из этого мира, будто бы сама Парвати сошла к нам. Она танцевала так, словно являлось одной из тех утонченных девушек, которые исполняли обрядовые танцы при

храмах, их звали баядерами. В моих глазах она была самой настоящей богиней, нимфой, чем-то изящным, едва уловимым и волшебным.

Я не знал ее. Как позже выяснилось, ее не знал никто. Мне всеми силами хотелось продлить это сиятельное мгновение, полное музыки, танца и волшебства. И вдруг я понял. Я даже не видел ее лица! Я думал, что смогу разговаривать с ней, пригласить на ужин, прогуляться с ней вечером вдоль реки, но всё, что я получил, это лишь ее лучезарный звонкий смех. Вырвать меня из этого чарующего мига смог только громкий голос моего приятеля, который позвал меня по имени. Клянусь, я отвернулся к нему лишь на секунду, а когда повернулся обратно — волшебная девушка просто пропала! Испариться она не могла, и я понял, что она решила сбежать через открытые двери. Нисколько не думая, я сразу бросился за ней и успел нагнать. Запыхавшись, я схватил ее за руку и открыл рот, чтобы перевести дух и наконец-таки объясниться. Но произошло то, чего я совсем не ожидал: она сняла маску и грозно на меня посмотрела.

70

Под маской голубого слона скрывалась самая красивая девушка, которую я когда-либо видел. Она была индуской. Я внимательно рассматривал ее, будто бы боясь, что это всё сон, и сейчас он растает у меня на глазах. У нее был аккуратный овал лица, короткий ровный нос, темные нахмуренные брови, а ее глаза... Они были огромные, очень выразительные, черные, как эта ночь, и глубокие, как Ганг. Огоньки фонариков отражались в них самым настоящим пожаром. Мне показалось, что сердце мое остановилось в этот момент. Внутри что-то оборвалось, мне будто бы не хватало воздуха. Такое прекрасное чувство я не испытывал больше никогда. Это именно то, о чем пишут в романах, то, чего леди так часто ищут в проходящих мимо джентльменах — любовь с первого взгляда.

Она смотрела так строго и серьезно, что я сразу всё понял. И отпустил ее. Мы были разными. Слишком. Всё произошло в секунду: роковое осознание, тяжесть на плечах, горькое принятие. Роман британского юноши и индийской красавицы? Нет, тогда это было просто невыносимо. Так я и остался стоять, с открытым ртом глядя ей вслед.

Так стоял и сейчас. Я уже не был юнцом, и на меня смотрела не моя баядера, а очаровательная блондинка. Я улыбнулся ей, пожал плечами, и наконец-то сказал:

— Даже и не знаю. Понимаете... Так сложились обстоятельства. Просто я влюбился в эти края.

К счастью, ей хватило этого ответа. На этом мы и закончили лекцию. Я посмотрел на наручные часы. 13:16. Прекрасно. Я еще успеваю зайти к Айвану, выпить с ним чаю и узнать, как дела у его отца на плантациях.

Ред.: Мария Тухто

Иллюстрация: Вика Левотаева

Фото: *Нина Тимакова*

Элиза ЛИДАНОВСКАЯ

Я родом из Новосибирска, но училась и долгое время жила в Санкт-Петербурге, очень люблю этот город. Интересуюсь XVIII веком и эпистолярным жанром, веду литературный онлайн-салон. Давным-давно придумала маленькое королевство у моря — место действия большинства моих текстов.

73

ПЕРСТЕНЬ И ЛЯГУШАЧЬЯ ШКУРКА

I

Март 1698 года. Андреа Лекорню — Вильгельму I

Всемилоостивейший государь!

Простите меня за то, что письмо не пестрит изысканными оборотами и любезностями: я никогда не был мастером по этой части. Полагаю, что вместо этого первое достоинство моих писем — краткость, второе — ясность. А недостаток — дерзость, впрочем, она весьма развлекает Ваше Величество, а потому извинительна.

Я благодарен вниманию Вашего Величества, но полагаю, что опасения на мой счет совершенно пустяжны: мне не трудно предлагать свою ничтожную фигуру для сплетен, лишь бы они не

касались более значительных предметов, как то здоровье Вашего Величества и перспективы кронпринца.

О кронпринце. Вы настоятельно рекомендуете завести с ним дружбу. Я беспокоюсь о том, как бы не стали говорить, что он попал под мое иностранное влияние. Впрочем, если это угодно, я без лишних слов подчинюсь.

И последнее. Нижайше прошу, пусть Ваше Величество выдумает мне какое-нибудь дело. Если вы не желаете пользоваться моими дипломатическими умениями, то хотя бы дозвоьте обучать желающих итальянскому — это будет мне приятно.

*С тем остаюсь,
Вашего Величества,
Всемиловейшего государя,
покорный слуга
Андреа Лекорню, герцог де Гри*

Март 1698 года. Вильгельм I — Андреа Лекорню

Любезный Андре!

74

Твои письма и в самом деле меня весьма развлекают. Тому, чей отец был моим добрым другом еще во времена, когда Розенбург был лишь диким и пустынным местом, нет нужды извиняться за отсутствие цветистых фраз. По крайней мере, пока дерзость не переходит границу. Но ты же не перейдешь ее, Андреа?

Понятия не имею, о каких значительных материях ты говоришь. Если тебя занимают сплетни о собственной персоне, то так тому и быть, я мешать не стану.

О занятии. Чем дружба с моим сыном не занятие? Твоя жена уже стала фрейлиной и доброй подругой принцессы, так отчего бы тебе не занять подобающее место при кронпринце? Имей в виду, что твоих вежливых отказов я больше не хочу. Друзья — и точка.

Должны, в конце концов, у моего сына быть друзья.

*Твой,
Вильгельм*

P.S. Я собираюсь устроить бал для всех, кто пожелает прийти. Маскарады всегда веселят меня, но ты, если хочешь, не надевай личины. Я тоже не стану, мне подходит хотя бы иногда являться перед подданными, чтобы они не думали глупостей.

II

Март 1698 года. Андреа Лекорню — Франсуа де Марэ

Любезный друг мой!

Знаю, что в Вене празднества куда чаще и роскошнее, но всё же подумал, что тебе будет приятно узнать о бывшем у нас маскараде. Государь вовсе не стремился пышностью перещеголять своих добрых друзей, но желал подражать им, ибо их обычаи достойны.

Здесь я предвижу твой вопль: «Что?! Андреа Лекорню — на маскараде?!». Ты будешь прав в своем удивлении, однако не моя в том вина, что я там был. Король — наместник Бога на земле, и нам, смертным, надлежит подчиняться его приказам.

Слушай же, что со мной случилось и произошло.

Да будет тебе известно, что государь велит мне стать кронпринцу добрым другом, как моя супруга стала фрейлиной Ее Высочества. Уклоняться от этого я не смею, да и любезность государю мне оказать приятно, только принц Анри не так прост, чтоб к нему подступиться. Сидит он вечно среди своей свиты. А когда не сидит — водит с девками хороводы и выделяет разные проказы. И даже те, кто не признает принца в личине, тянутся к нему, как к солнцу, на маскараде он заметнее государя.

Пришла ему охота позабавиться за мой счет: видит, что я не ем, не пью и не пляшу, и посылает ко мне служанку с вином. Только вино непростое: туманит разум и заставляет непотребства творить, какие кто в тайне желает.

«Я, — говорю, — от подношения отказаться не смею, только пить буду по своему обычаю».

Подношу к губам, но не пробую. Вместо того выплескиваю за плечо, а рюмку — тотчас об пол. «Ура, — говорю, — кронпринцу!»

Тот усмехается и отвечает: «Знаю, кто ты, и вижу, что ты мои обыкновения знаешь. Какое дело у тебя ко мне?»

«Пришел по велению государя, но дела своего никому, кроме вас, открывать не хочу».

«Так и быть, — он снял с пальца перстень и бросил в толпу. — Найдешь, говорить с тобой буду, не найдешь — прогоню со двора».

Делать нечего — откланялся, да и дал себя увлечь маскамам, хоть веселиться и плясать не было охоты. За то и не люблю маскарады, что

лица в них не увидеть, а среди ряженных и не различишь, мужчина ли, женщина, ангел ли, дьявол или цветочный горшок. Все платья одинаково шиты золотом и камнями, все черты спрятаны, а пальцы кого ни попадя усажены кольцами и перстнями.

Вдруг увидел я, что у одного пригожего господина на руке алеет рубин в золотой оправе. «Дай, — говорю, а он головой мотает: не дам. — Так продай». Глухой голос из-под маски: «И продавать не стану».

«Так чего хочешь?». Маска помолчала с минуту и говорит: «Танцуй со мной». «Не бывать тому! — говорю. — Где это видано, чтоб мужчина с женщиной танцевал!» «Танцуй со мной!» — повторила маска. Тут мое терпение лопнуло: «Станцует со шпагами в руках!»

А господин захохотал еще сильнее и бросился бежать. Трус со взорами песьими! Я за ним — накажу, думаю, нахала.

Только сперва бы его изловить. Бегу по галереям — в зеркалах отражается, да ближе не становится. Бегу по садовому лабиринту — будто слышу рядом с собой смех, а понять, где, не могу. Наконец у самых ворот схватил я его за зеленый жюстокор. А он возьми и перемахни через ограду, и я — за ним.

76

Длинноногий этот черт проскакал по всем улицам Розенбурга, как полоумная лошадь, хотел меня скинуть, а я от злости держался за него, да еще и кричал: «Отдай, отдай принцев перстень!» Уж, верно, перебудил всю округу. Только не смел никто в окно высунуться — такой грохот от каблуков стоял, будто вся королевская конница скакала.

Взбрело в голову этому господинчику за крепостную стену податься, да и в море — думал, утонуть побоюсь, упущу его. Как бы не так! Я дернул посильнее и сорвал с него жюстокор, да с такой силой, что даже парик отлетел в сторону, и передо мной явилась женщина. Встала она, по колено в воде, косы упали и растрепались, с лица краска сошла.

«Узнаешь меня теперь? Потанцуешь?»

«Я танцевать не охотник, — сказал. — Давай так: ты мне перстень, а я тебе личину твою лягушачью».

На том и порешили. Возвратился я, мокрый по колено, грязный по самую макушку, и перстень принцу подал.

Тот всю свиту свою отослал и сказал: «Говори теперь, какое у тебя дело».

Настал мой черед усмехаться. «Я, — сказал, — здесь по велению государя. Угодно ему, чтобы я при вас был да уму учил, не то не видать вам короны».

Тут уж принц, ничего не поделаешь, усадил меня рядом и воды велел подать. Не пил ничего вкуснее!

А не поверишь мне — так и не верь. Кто знает, может я сочинил всё это для забавы. Довольно и того, что я тебя развлек.

*Твой,
Андреа*

P.S. Что знать невозбранно, то я тебе расскажу, а кто та особа была — сказать не смею, и дознаваться не следует.

Ред.: Мария Головей

Иллюстрация: Анна Боронина

Мне 24, родилась в Москве, но моё детство прошло в Калуге; вернулась в большой город я не так давно. Училась в вальдорфской школе, много времени проводила на природе, и так вышло, что из-за этого теперь очень люблю сюжеты, связанные с мифологией и мистикой. Закончила Вышку, по специальности я лингвист. Но диплом писала про театр — про Шекспира. Со второго курса пишу сценарии, в этом году поняла, что хочу рассказывать свои истории, а не чужие, и начала роман. Сейчас написано около шестидесяти страниц. Я веду tg-канал «поединок остроумья», где рассказываю, как продвигается работа, и делюсь новостями из книжного мира.

ЧУДО-ЮДО

79

Если бы первобытный ужас столкнулся с современным человеком, ужасу нечего было бы предложить. Времена сменились. Что ни выкладывай как козырь на стол, люди больше не верили. И не боялись. Темноты, высоты, смерти... Только себя, своих беспомощности и одиночества. А чтоб такого бояться, ужас извне ни к чему.

Площадь силилась выдать праздник. Мерцала огнями и звучала множеством голосов. Иван Купала шел своим чередом. Жители Солнцево по старой привычке позволили себе отдохнуть, выставляя это напоказ. Народные пения и танцы начались к вечеру, когда душная жара северного лета спала, и пришло время зажечь факелы. В этот раз приехало много зевак из городов покрупнее, стараниями Кирюши, конечно же. Они разительно отличались от местных — улыбчивые, одетые в цветное и новомодное, с детьми. Они наполняли Солнцево семьями каждый год: посмотреть почти-что-колорит диковинной деревенской почти-что-глубинки, поесть еды, приготовленной на костре, и обмануться, поверив, что в стародавние времена празднование Ивана Купалы правда выглядело так, как его отмечали специально для них много лет подряд.

Деян тихо всему этому улыбался.

Он стоял в тени плакучей ивы, и никто не обращал на него внимания — как и на других не разряженных в пух и прах солнцевчан. Закат тонул в густых кронах деревьев, оставалось ждать совсем чуть-чуть. Из ближайшего шатра тянулся сладковатый душок сахарной ваты, миру Солнцево чужеродный, но любимый приезжими. Вату делали только на празднества для пестрых и чуждых туристов, приносящих городу доход. Деяну сладкое не нравилось в принципе — его тяжелый, маслянистый запах ляпал загребущими пальцами, пропитывал ткань льняной выходной рубашки, без спроса залезал в ноздри. Но сладость, как липкая лента для отлова мух, манила тех, кто был Гордееву нужен. Притягивала сюда смертных — живых, полных веры во что-то пустое. Готовых сделать нужное, если правильно попросить.

Мимо Деяна пробежали дети, позвякивая монетками в карманах. Они накинулись на киоск с ватой, как голодные волки в зимнюю стужу набрасываются на кость. Деян решил детишек посчитать. Один, два, три... Всего пятеро. Друзья, скорей всего, приехали с родителями. А это плюс еще один-два человека каждому, как минимум... Улыбка Гордеева стала шире, он погрузился в пелену довольства и снова взглянул на деревья. Там, совсем недалеко, в их вкрадчивой тени, уже подготовили поляну для продолжения гуляний — а значит, все силы, всё то время, что пришлось ждать, потрачены не зря.

Закатное солнце погладило Деяна по высокому лбу, залилось золотом в глаза, мелькнуло на небе последним лучом и скрылось, давая добро — настало время чудес.

От сумеречной дымки отскочили звонкие трели свистулек, запели женщины на переносном деревянном помосте. Его ставили на площади в День города, на ярмарки да по остальным большим поводам. Люди всполошились. Дети со сладкой ватой понеслись к сцене; взрослые, стоя на местах, оборачивались. Пел хор Солнцево, нестареющий и незыблемый. Над лесом зазвучали несменные веками голоса.

* * *

Людей закружили в сторону леса разукрашенные шелковым шитьем юбки. Загремели большие барабаны. Факелы подняли с мест. Праздник разогнался. Радостный мальчишеский голос взлетал над толпой и прыгал по верхушкам скорченных временем елей.

— Расступись, честной народ! Молодь праздновать идет! — словно луч света или неуловимый порыв ветра, в самом центре толпы метался Кирюша. — Э-ге-гей, братва, не медли, чай не барин на обеде!

Приезжие смеялись, дети скакали по тропинке к лесу вместе с ним. Девочка с карамелькой на деревянной палочке подпрыгнула и дернула Кирюшу за кудряшку. Он заулыбался только шире и побежал вперед, утягивая незнакомую девицу в пляс. Мелькали кафтаны и платья, дрожало пламя факелов. Деян шел по краю толпы, не попадая в самую муть человеческих тел. Там, внутри пестрого балагана, надрывались рожки и свирели, пахло сахаром, жаром и человеческим потом. Жизнью беззаботной летней ночи... Лес же молчал, выжидая. Ночь слушала Деяна, и он слушал ее, вкрадчиво поглаживая рукоять костяного старинного ножа, заткнутого за пояс. Толпа всё дальше уходила в чащу, и огни города, пусть и не большого, отдалялись, скрываясь за лапами елей и сосен. Прошло всего несколько минут, а свечение почти исчезло, и только взятые солнцевчанами огни всполохами прыгали между стволов деревьев.

Под ноги стали попадаться камни и корни, никто не вел за собой скот, но в толпе почему-то слышался цокот копыт.

81

— Молодец, посторонись! Коль не хочешь обойтись... без головы! — толпа взорвалась хохотом, а Кирюша, пробившийся вперед, теперь руководил шествием да подтрунивал над смельчаками в первых рядах, как-то умудряясь совершенно не спотыкаться.

А вот люди теперь запинались часто. Света не хватало, лес обступал непрошенных гостей плотнее и плотнее. Пахло мхом, сыростью, ночной природой — совершенно дикой и неприветливой. Но туристы не замечали. Кирюша размахивал руками и корчил рожи, хор продолжал свои песни, наседали барабаны. Деян заметил впереди свет. Приближались к поляне. Птицы молчали, звери боялись подойти к шумному сборищу двуногих. Гости Солнцево остались совсем одни. Среди их тел, рук и ног виднелись знакомые лица — Полина, Василий и другие — это они пели и танцевали, подталкивая недогадливых жертв в спины, они отравляли всех весельем, помогая Кириллу. Начали гаснуть факелы — один за одним, и в их предсмертных вспышках проступали очертания странных существ — покрытые шерстью лапы, налитые кровью глаза. Еловые ветки трогали людей за плечи, словно большие руки с колючками, вросшими в кожу, бурелом нависал над тропинкой и лез под ноги. Лес принохивался, готовясь к броску.

Никто не замечал подвоха, и только одна фигура, высокая и большая, колыхалась с меньшей уверенностью, чем остальные, в такт древней музыке и еще более древним песнопениям. Строго говоря, таким фигурам, как эта, вообще не положено было колыхаться. Деян редко встречал людей, ростом равных себе, и, когда Женя Ершов, а колыхался именно он, только приехал в Солнцево, Деян удивился его габаритам.

А потом — много чему еще. Тому, как Женя говорил — неестественно для человека своих истории и возраста, четко и спокойно, как старый-престарый литератор, как двигался — неторопливо и лениво, без зажимов, что свойственно актерам классической столичной школы, но больше всего, конечно, тому, как Женя смотрел. Деян повидал много стеклянных и неживых глаз — нечисть так глядела из темноты, всякие полу-звери, обезумевшие люди... Но Женя безумным не был. Просто был пустышкой. И это никак не сочеталось с его обаянием, с его образованностью, с его интересом к миру. По крайней мере, сначала Деян принял его манеру жизни за интерес. И только потом увидел в глубине отчаянное Женино желание заполнить черную дыру то ли в сердце, то ли еще где. Его попытку либо отыскать нечто потерянное давным-давно, либо придумать что-то новое там, где ничто раньше и не обитало. Может, поэтому в университете он изучал историю и поэтому был так одержим прошлым.

82

Деян заполнил Женину пустоту верой.

И теперь Женя видел. Видел клыки в разинутых пастьях, когти, отрастающие из человеческих ладоней. Он знал, куда они идут, и знал, зачем, и так хотел что-то ощутить, поймать жизнь за хвост, стать *особенным*, что готов был к жертвам, о которых узнал от Деяна. О главной жертве ему, конечно, ничегошеньки не сказали.

Лес дурманил приезжих запахами. В еловом душке рассеялся тяжелый смрад сладкой ваты, за горелым маслом факелов терялся флер одеколонов разряженных женщин. Музыка становилась всё громче, а поляна — всё ближе. Деян первым ступил в круг света, за ним повалили остальные. Перекошенные и хромые, звероподобные и просто страшные. Лес снял вуаль притворства, и теперь, пялясь на туристов, на поляне стояли совсем не гостеприимные жители Солнцево. Притаился заросший тиной болотник, вонючий, зеленеющий полупрозрачной кожей, прыгнул за левое плечо Деяна огромный черный кот, звякнув длинными когтями. Те, кто не выходил в центр, пихали гостей в спины. Многие так и остались в

людском обличии — их уже не помнили, и обратиться они не могли. Память — вот что было нужно солнцевчанам. Чтобы возродиться и стать тем, кем они являлись. Не только Деян устал ютиться в человеческой тушке.

Женщины в хоре завывали — не весело и задорно, не слава природу и лето, а зазывая древних духов, пробуждая первобытные силы. Люди пытались отступить назад, но там их ждали. Костер посреди поляны ярко пылал, и его отблески танцевали на спокойной глади лесного озера.

Деян вскинул руки, хор вскрикнул в последний раз. Приглашенные перешептывались и глядели на поляну с недоверием, но спрашивать боялись. Кто-то из смелых шагнул вперед. Мужичок с телефоном в руке, тут совершенно глупым и лишним.

— А чего пришли-то? Через костер прыгать будем, голышом купаться?

Послышались нервные смешки, Деян улыбнулся и увидел, как Женя вздрогнул. Напуганный, он будто бы уже принадлежащий миру духов, высокий и бледный, как труп. Мимо него прошел Кирюша, хитро заглядывая в лицо. Стоило Жене только моргнуть, а Кирюша уже стоял около Деяна, подхалимски заглядывая в глаза. Деян одобрительно кивнул. Кирюша расцвел.

— Гости дорогие! Добро пожаловать на наше празднество. Сегодня мы вспомним, что такое древние силы, и чего они хотят.

Голос Деяна не дрогнул, хотя он впервые в своей долгой-долгой жизни ощутил трепещущую птицу волнения в груди. Загаркали и заулюлюкали в толпе. Кирилл бросил травы в костер, а пламя взметнулось выше, обдавая лицо Деяна жаром. За приезжими выстраивались две шеренги, от тропинки людей теперь отделяли солнцевчане с факелами в руках.

— Да прославим же древнее, и да вспомним о том, что смертные забывать не должны, — Деян снова взмахнул рукой.

Жители пустились вокруг туристов в пляс. Снова запели женщины, а стоявшие с Деяном побежали в толпу. Они выли и хихикали, подхватывали детей и взрослых, кружили их на руках. Деян коснулся пальцами огня — и не обжегся. Он чуял страх и ел его. Дети подхватывали визг, взрослые озирались, всматриваясь в

темноту за огненными всполохами. Яркие платья больше не притягивали взгляды, песни никого не развлекали. Кто-то в толпе надрывно завыл, послышался рык. Барабаны дробью дергали нервы и сердца. Деян жестом позвал к себе Женю, и Женя, несмотря на страх, вышел вперед. Храбрился. Пели всё громче, кружились всё быстрее. Люди терялись, спотыкались и падали. Инструменты надрывались, в толпе взметнулся огонь, и кто-то крикнул: «Горим!», народ правда вспыхнул, как хворост. Пламя хватало за одежду и руки, запахло жженными волосами и плотью.

— Ближе, — в последний раз позвал Деян, и Женя подошел.

В глазах человека — смелого, но человека — Гордеев прочитал понимание. Женя, пусть сам для себя и не осознавал, но внутри точно знал — сегодня он умрет. Ради истории и любимых чудищ, ради того, чтобы люди вспомнили, что было раньше. Вокруг кричали, кто-то рядом упал и больше не издал ни звука.

— Боишься?

84 Женя покачал головой, мол, нет, не боюсь. Врал. Даже тут, даже сейчас, по привычке, потому что по-другому не умел. Деян вогнал ему в шею нож и вытолкнул из круга, сквозь горящих, в озеро.

Рука взметнулась вверх — длинные пальцы ухватили пустоту изломанными крючками, но тут же скрылись в толще мутной воды. Брызги. Эхо среди криков. Во все стороны пошла рябь, но Женя не трепыхался, спокойно уходил на глубину, а пенка, зеленоватая, пахнувшая илом лесного озера, расходилась от водяной дыры, куда погрузилось его тело. В темноте, при свете костра, озеро было почти черным, и Ершов уходил всё глубже, как в небытие, растворяясь во тьме. Криков он уже не слышал. Наконец-то к нему пришли покой и понимание.

Видя, как чернота скрывает лицо Жени, Деян испытал жалость. И странное желание. Посмотреть на происходящее глазами себя прошлого, вдохнуть терпкий, осенний запах прелого, умирающего на зиму леса, задрать голову вверх и проследить за точками летящих к югу птиц. Он мог оторваться стопами от земли и воспарить вместе с ними — тогда ему на ухо шептали нежные лоскуты ветра, и душный, тяжелый аромат гниющей, увядающей природы сменялся свежестью в мокрых облаках. Он никого не жалел. И убивал, чтобы вера теплилась в людях, чтобы они боялись и ждали, и мир жил по установленным законам. То было желание снова стать прежним собой

— одно из немногих желаний, посещавших Чудо-юдо долгое время. Желание, подтолкнувшее его к обряду, наполнившее людей страхом и вернувшее крупицы прежнего могущества. А зачем?

Ред.: Маргарита Данилова

Аделя МОБИУС

Проживаю в Петербурге, половину детства провела в Казани. Пишу с ранних лет, сейчас в планах издать свой дебютный роман про школьный буллинг в жанре магического реализма.

Прошла курс по сценаристике, с отличием защитилась на питчинге. Не могу жить без великолепных историй, всячески вдохновляюсь и рассказываю о них в своём телеграм-канале:

<https://t.me/mobitale>. Из жанров ближе

всего магический реализм, драма, социальные и психологические триллеры.

ШУРАЛЕ

По пути в деревню Рамиль не переставая говорил о том, как важно для него это место и какие здесь приветливые люди. Но мало кого из местных он мог вспомнить, ведь был тут последний раз еще ребенком, а его рассказ о детстве путался, состоял будто бы из выдуманных обрывков.

Спустя четыре часа езды, когда ноги окончательно затекли, мы подъехали к домам, будто проросшим вдоль дороги, точно дикий укроп. Они были обнесены деревянными заборами, стянуты газовыми трубами, окна — как квадратные глаза. Наш дом был самым страшным: отсыревшее бревно на отсыревшем бревне, в центре темным провалом пробито окно.

С лицом всмятку я вылезла из машины — вылезла из единственно привычного, что было здесь, оставляя внутри сухой городской воздух кондиционера и запах обшивки. Снаружи стоял густой теплый день, толстые гуси перебежали дорогу, а комары размером с кулак вились у самого носа. Никакого трепета от встречи с родной деревней Рамиля я не чувствовала.

Завтра будет Сабантуй, но приехали мы не за этим. В деревенском доме Рамиля никого и ничего не осталось, кроме вещей, которые нужно было перебрать. Рамиля поездка так воодушевляла, что он совершенно не заметил, как запотело стекло, когда я свернулась в кокон на заднем сиденье, притворяясь спящей.

К машине сразу же стянулись люди, они шурились, будто только что вышли из темноты на свет. Было много молодых, они молчаливо стояли в сторонке в длинных рубашках и платьях, выглядывая из-за спин старших.

Видимо, мы слишком громко хлопнули дверцами машины — какая-то старуха заохала от этого звука и начала поправлять платок на седой голове. Рамиль назвал ее Зульфией.

— Какая она у тебя... грустная, — выдала Зульфия. Ее рот был похож на заросшее отверстие в центре лица.

— Алтынай, — представилась я.

Она рассматривала меня в упор, а я не могла оторвать от нее взгляда. Казалось, что вся ее кожа собиралась у рта, втягивалась куда-то внутрь и перевязывалась где-то у пупка, отчего Зульфия не могла распрямить спину и разгладить горб. Глаза ее были в мути, как намазанные сметаной. Я дернулась, когда она схватила меня за руку.

— Мы можем исцелить твою печаль.

Рамиль, кажется, совсем не обращал на нас внимания, он ушел осматривать участок. Деревенские же смотрели на меня странно улыбаясь, похожие больше на чревовещателей, чем на живых людей. В открытых ртах можно было пересчитать все зубы. Тревога не покидала меня ни на секунду: она давно пустила корни в моем желудке, веточки шли по пищеводу и распускали цветы, щекоча стенки, заставляя мышцы сокращаться в страхе.

Чувствуя, что сворачиваюсь во что-то злое из-за поведения Рамиля, я позвала его. Выкрикнула его имя, но он не торопился возвращаться, брел к машине лениво. Когда он подошел, мы еще раз со всеми поздоровались и под немигающими взглядами пошли внутрь.

Дом внутри казался больше, чем снаружи, и вонял затхлостью — сырел себе спокойно последние годы. Захотелось срочно открыть окна. Подойдя к одному из них, я заметила, что соседи не расходились: они продолжали смотреть на входную дверь. Только Зульфия смотрела прямо на окно. Смотрела как-то исподлобья.

— Что с ней? — спросила я у Рамиля.

Пояснений, о ком я говорю, не потребовалось, значит он тоже заметил странности.

— Не обращай внимания, она почти слепая, — махнул рукой Рамиль и начал распаковывать наши сумки.

Но я видела, как ее полуслепые глаза смотрели точно на меня. Я уже хотела отойти от окна, как вдруг заметила, что на Зульфие кто-то сидит: какой-то скрюченный уродец, тонкий, похожий на человека, но на деле лишь имеющий человеческие черты. Своими длинными руками и ногами он обхватывал Зульфию за грудь, а она стояла, не чувствуя веса. Волосы на моей голове зашевелились, а пульсация в висках усилилась.

— Рамиль! — крикнула я, указывая за окно. — На ней кто-то сидит!

Рамиль как ошпаренный подскочил к окну и стал всматриваться. Я тоже снова посмотрела на Зульфию, но на ней уже никого не было. Люди в толпе, завидев Рамиля, притворились равнодушными, якобы наш дом и его обитатели их не интересуют.

— Ты чего? — спросил Рамиль, обращая теперь свои растерянные глаза на меня.

88 — На ней кто-то сидел... Словно человек, но и не человек вовсе. Неужели ты не видел?

— Алтынай, там не было никого.

Он тут же утратил интерес к происходящему, будто для меня было обыденностью видеть то, чего не было. Я увидела в его взгляде свою тревогу. Свое сумасшествие. Еще какое-то время я постояла у окна, оглядывая двор. Надеялась обнаружить и в то же время никогда больше не видеть существо, которое сидело на старухе.

Мы с Рамилем разобрали наши вещи, заставили холодильник едой на неделю вперед и протерли все поверхности в доме. Потом легли — в отсыревшую и холодную, но чистую постель. Прямо так, в одежде. Похоже, мы быстро оскотинивались.

— Тут все какие-то странные, — сказала я.

Сырая простыня холодила кожу, пахла плесенью, как залежавшийся сыр. У меня побежали мурашки, Рамиль интерпретировал это по-своему.

— Алтынай, коза ты моя, тебе страшно?

Он укусил меня за плечо, а мне стало обидно. Не от укуса, а от того, что называли меня рогатым животным. Хотя рога у меня и правда

были — те, которые не так давно мне наставили. Рамиль, наверняка сообразив то же самое, стал зацеловывать место укуса сальными поцелуями.

— Что с этой бабкой такое? Что у нее со ртом?

— Да чего ты к ней прицепилась? Нормальный у нее рот. Она раньше, в детстве, сидела со мной, когда родителям нужно было по делам. У нее своих детей не осталось, умерли все. Даже помню, когда был маленький, хоронили одного за другим на местном кладбище.

Мне стало неловко. Я не могла этого знать, но это оправдывало странности старухи почти полностью.

— А сколько у нее было детей?

— Пятеро.

— Ой аллам¹¹.

— А что касается остальных — они постоянно живут здесь, для них в диковинку, что приезжают городские. Пожалуйста, не вредничай, это место моего детства. Потерпи недельку, скоро уедем. И вообще, мы приехали сюда не только вещи разбирать. Ты ведь помнишь?

Я кивнула. Мы приехали сюда, чтобы провести время вместе, сблизиться. Но на самом деле, чтобы разобраться в наших отношениях, не нужна была никакая смена обстановки, тем более эта деревня. Нужен был диалог. Я много раз пыталась обсудить случившееся с Рамилем, но он никогда не поддерживал эту тему, боясь ее, как хвори. Будто она ему причинила куда больше боли, чем мне. Будто это я предала его, закрутив роман на стороне.

— Мне кажется, нам надо поговорить о том, что случилось, — сказала я негромко.

— Ой, ты опять, — Рамиль махнул рукой, будто отгоняя назойливую муху.

Он всегда махал на меня рукой. Он считал, что моя ревность до добра не доведет. Но самое плохое, что могло случиться, уже случилось, а мы даже не могли поговорить об этом. Мне оставалось только молчать, прикрываясь улыбкой.

¹¹ Аллам — господи, боже (*там.*).

* * *

На следующий день, еще толком не проснувшись, я начала лихорадочно ощупывать место на кровати за своей спиной. Рядом никого не было, простыня холодная. Рамиль куда-то ушел.

Я с тревогой села, стала осматриваться. В доме тихо, все звуки ушли в минус. Дом тоже прислушивался к шагам, как и я.

Тапочек Рамиля у выхода не было. Босыми ногами я выбежала на крыльцо, кутаясь в кофту с длинными рукавами. Птицы не пели, а кричали, перебивали друг друга, выплакивая всю свою боль. Я так не могла, как они.

В огороде, поросшем сорняками, кто-то зашевелился. Я в страхе дернулась. Конечно, это был Рамиль. Он держал телефон над головой.

— Что ты делаешь? — спросила я, выдыхая с облегчением.

— Я связь пытаюсь поймать, тут совсем не ловит.

90 Меня отпустило лишь на секунду, но с этими словами я снова почувствовала знакомые цветы в животе. Я уверена, что они никогда больше меня не покинут, только будут время от времени ненадолго засыпать.

Во мне же сна ни капли не осталось.

К обеду на вытоптанном поле недалеко от домов началась программа в честь Сабантуя. Оттуда доносились веселые возгласы. Мы решили, что праздник пойдет нам на пользу, бросили копаться в хламе и стали одеваться. Я надела длинное платье. Долго решала, повязать ли мне волосы, но пошла с распущенными. Надо быть красивой.

Рамиль всё пытался разобраться со своим телефоном, вел себя нервно. Потом также нервно сказал:

— Пойдем уже.

Деревенские бегали с яйцами на ложках, перетягивали канат, залезали по очереди на единственный столб. Многие крутились возле большого чана с пловом, ели эчпочмаки и пили чай с молоком. Одеты все были нарядно: на женщинах вышитые бисером платья и пестрые платки на головах, на некоторых необычные венки — ветки с полевыми цветами. У парней были похожие венки, но не слишком украшенные, в основном из сухих колосьев и веток, походивших на

оленьи рога. На более взрослых мужчинах — большие плоские таблетки тибетеек.

Все вели себя приветливо, даже слишком. Я держала Рамиля за руку, как за спасательный трос, боясь хоть на секунду выпустить его из рук. Выпустить то единственное, что мне знакомо среди всего этого веселого хаоса. Выпустить привычное, пусть больше не комфортное.

— Пойду принесу нам поесть, — сказал Рамиль и отцепил мои пальцы, которые, наверное, больно сдавили его кожу.

— Пойдем вместе, — пробормотала я, но он даже не повернулся.

Меня отвлекли. Схватили за руку, которой я еще недавно держала Рамиля, предлагали поучаствовать в состязаниях, а я только и искала глазами свое. Искала Рамиля. Он снова куда-то пропал.

— Грустная наша пришла.

Это появилась из-за спины Зульфия. Она снова мучила меня своим непонятным ртом, сегодня улыбчивым, будто подтянутым к ушам невидимыми нитками. Ее длинные волосы были заплетены в толстые седые косы, голова повязана белым платком — это означало траур, а поверх платка лежал огромный пышный венок, усеянный цветами. Вся ее шея закрыта бусами, я посчитала — пять рядов. Они плотно прилегали, точно душили ее, а бусины были такими огромными, что я видела в них свое отражение.

— Мне надо найти Рамиля, — сказала я ей.

— Пойдем, посиди со мной. Никуда твой Рамиль не денется.

Я вновь огляделась. Толпа росла на глазах, становилась больше. Не верилось, что такая деревня может вместить такое количество людей. Во всем этом человеческом вареве я не видела ни одного знакомого лица, но лицо Зульфии становилось привычным, поэтому я пошла за ней.

Мы сели на поваленное дерево, у которого позже предполагалось жечь костер. Первое время сидели молча. Покачиваясь, Зульфия вышивала узоры на откуда-то появившейся у нее на коленях детской рубашке, я смотрела за ее морщинистыми руками — на каждом пальце по крупному перстню. Вдали слышались веселые крики: двое парней боролись, обхватив друг друга платками за талию.

— Радуемся, что закончились полевые работы, задабриваем духов плодородия, — пояснила мне зачем-то Зульфия.

Что такое Сабантуй, я прекрасно знала. Всю жизнь я прожила в Казани и, хотя с сельским хозяйством мои родители никак не были связаны, на Сабантуй мы ходили каждый год. Только впервые я наблюдала, как его празднуют деревенские.

— Вы постоянно называете меня грустной, — сказала я.

Мне хотелось с ней поговорить, но не покидало стойкое ощущение, что ни она, ни кто-то другой тут меня не поймут.

— У тебя это на лбу написано.

Я подумала, что это фигуральное выражение, поэтому не стала переспрашивать.

— Вот здесь.

Она своим крючковатым пальцем провела по моему лбу. В эту секунду деревенские девушки подбежали сзади и водрузили на мою голову венок с цветами и ветками. Венок сел, как влитой, словно сделанный специально для меня.

— Ай, — зашипела я.

Кажется, одна из веток царапнула мне кожу. Девушки быстро убежали, весело хохоча, а я хотела кинуть этот венок им вслед, но мою руку остановила Зульфия.

— Попробуй порадоваться вместе с нами.

Я убрала руку с венка и села ровнее. Ленты, повязанные на ветках, заканчивались ровно там, где мои волосы, у талии, раскачивались на ветру — кроваво-красные. Зульфия всё вышивала, время от времени поглаживая небольшое полено, лежавшее возле ее ног. Я внезапно осознала, что уже смеркается.

— Мне надо найти Рамиля, — сказала я, но не шелохнулась.

— Рамиль занят, — многозначительно сказала Зульфия.

Мое сердце упало куда-то в пропасть желудка. Взгляд Зульфии приковал меня, мне хотелось обернуться и поискать Рамиля, но что-то заставляло сидеть на месте.

— Я чувствую от тебя большую боль. Я всегда такое чувствую. Мы тут все столкнулись с горем, каждый со своим, — сказала тихо Зульфия.

— Я знаю о вашей горе, — осторожно ответила я, глядя на ее бусы. — Мне очень жаль.

Она неотрывно смотрела на меня, муть в ее глазах начала расплзаться в острые уголки век. Зульфия мотнула головой.

— Вряд ли я хоть чуточку такая сильная. Я не справляюсь, — произнесла я одними губами, боясь, что она не захочет продолжать разговор.

— А кто сказал, что я справляюсь? Моя боль просто замолчала, но никуда не ушла. И я выбрала улыбаться.

Зульфия продемонстрировала улыбку, но получилось искусственно.

— Не знаю, смогу ли я так.

— Мы тут не только духов плодородия задабриваем. У нас есть еще один, живущий в лесу. Он может помочь тебе, научит улыбаться.

Среди праздничного гомона и старухино шепота я услышала звук, который всегда заставлял мое сердце больно ухать — СМС-оповещение на телефоне Рамиля. Обернулась и увидела, что Рамиль стоит в паре метров от нас. Не знаю, как давно он там. Свет от телефона и широкая улыбка озарили его лицо. Он выглядел таким счастливым.

Зульфия больно схватила меня своей застывшей рукой.

— Если хочешь помощи, приходи в лес.

Я высвободилась и рванула к Рамилю. Мне больше всего хотелось сейчас упасть в его объятия, согреться, забыть разговор с Зульфией как страшный сон. Убедиться, что я всё еще ему нужна, узнать, с кем он переписывается в деревенской глуши, где из палочек связи только одна, да и то исчезающая.

— Рамиль! — кричу я. — Рамиль!

Передо мной вдруг выросли люди, прямо из высокой травы, завели меня в свой веселый хоровод, пытаются увести меня от Рамиля, разъединить меня с ним. Я не могла разобрать слов песни, кроме одного, постоянно повторяющегося: «Шурале! Шурале!..»

Я увидела, как Рамиль ушел с какой-то девушкой под руку. Ее лица я не разобрала, видела только их сцепленные руки.

Когда выбралась из хоровода, Рамиль окончательно испарился, а деревенские как-то внезапно отстали от меня: наблюдали, как я бросалась из стороны в сторону, смотрели как на умалишенную, ведь я портила всем праздник.

— Где Рамиль? Куда вы его дели?! — крикнула я.

Его силуэт мерещился мне то тут, то там, я подбегала к чужим мужчинам, от них пахло масляной выпечкой, ни один из них не оказывался Рамилем. Затем я увидела его, уходящего вглубь леса. Побежала, слыша только стук своего сердца в глотке. Я выкрикивала его имя бесконечно много раз, как заклинание, способное вызвать мне Рамиля перед собой.

Ветки деревьев больно били по щекам, я запнулась о корни и упала. Быстро вскочив на ноги, поняла, что не помню, откуда вошла, не знаю, где из этого леса выход. Темно, словно сучья выкололи мне глаза. Страшно, словно листья высосали из меня всю смелость.

— Здесь нет Рамиля, — громко раздалось за спиной.

Обернувшись, я увидела, что Зульфия и другие деревенские стоят с факелами, обступая меня со всех сторон.

— Что вы с ним сделали? — испуганно спросила я.

У меня не оставалось воздуха, я жадно хватала его ртом. Я злилась, готовая заплакать, чувствовала, что меня уже сильно обидели, надеялась, что меня не посмеют тронуть.

— Ты всё-таки пришла, — сказала Зульфия.

— Что вы хотите со мной сделать?

— Мы с тобой сделать ничего не хотим. Ты пришла, потому что сама этого захотела. И можешь уйти, если захочешь.

Я оглядела людей, стоявших кругом. Между ними образовалась прореха, в которую я с легкостью могла бы проскочить. Все стояли спокойно, не стараясь меня удержать. Но почему-то бежать со всех ног мне не хотелось.

— Он может тебя рассмешить.

— Кто он?

— Шурале.

Я не верила своим ушам. Я знала о нем из детских сказок, помнила, как боялась его. Он щекотал людей до смерти.

— Не бойся, ты не умрешь, — сказала Зульфия, прочитав мои мысли. — Он научит тебя улыбаться. В обмен на твою улыбку он заглушит всю твою невысказанную боль. Ты перестанешь о ней думать.

Я оглядела лица остальных. Все они стояли с одинаковыми пугающими улыбками. Посмотрела на Зульфию — она тоже улыбалась, глядя на меня своими мутными глазами.

— Он сделал это с вами? — догадалась я.

— Я сама его об этом попросила.

— Тебе станет легче, — вклинилась в разговор какая-то девушка. — Боль не уйдет, но желания говорить о ней больше не будет.

Все смотрели на меня, как замороженные, ожидая решения. Моя тревога кружилась ураганом, крутила кишки, сгибая пополам. Меня точно ударили под дых, я глубоко дышала. Рамиля снова не было рядом. Я снова почувствовала себя преданной. Осознание этого проникло внутрь тихой струйкой воздуха, заставляющей вновь спокойно дышать. Отсутствие желания говорить о боли казалось липко заманчивым. Только сейчас, когда я находилась среди чужих людей, тревога перестала обхватывать меня за горло. Я *знала*, что будет дальше, понимала, чего ожидать. Обретала недостающую мне предсказуемость. И согласилась. Молча кивнула.

Кольцо разомкнулось с другой стороны. К нам подступало существо ростом с человека, но вместо ног у него были мшистые сучья, а пальцы на руках длинные и острые как сабли. Его нос походил на рыболовный крюк, а из лба торчал рог.

Шурале рассмеялся, отчего мою кожу приятно закололо. Деревенские рассмеялись тоже. Крючком носа он притянул меня к себе, приподнял венок и заглянул в глаза. Обхватил за голову шершавыми пальцами, за ними скрылось мое лицо, только два глаза-блюдца смотрели в его горящие очи. Его смех волнами расстился по моим щекам и был таким залихватистым, что я не сдержалась и захохотала вместе с ним. От этого Шурале делался меньше ростом и моложе. Он, продолжая смеяться, обошел меня, и вскарабкался сзади, прямо на спину. Его руки и ноги обхватили мое тело, замыкаясь на груди. Длинные ногти прокололи кожу, но боли я не чувствовала. Смех Шурале и деревенских замолк, и только я продолжала смеяться. Смеялась, пока мы все вместе не вышли из леса, а потом замолчала, словно мне внезапно отключили громкость.

Деревенские разбрелись и продолжили веселиться. Зульфия села на поваленное дерево дошивать узор на детской рубашке. Я стояла в эпицентре праздника и не могла убрать дурацкую улыбку с лица, тупо глядя на костер, который развели к тому моменту. Потрогала мокрый след на груди: огонь бликовал на кровавых подушечках пальцев.

Ко мне подошел Рамиль, приобнял за плечи. На нем не было венка. Шурале он не видел, но и я его больше не видела.

— Хорошо, что мы приехали, — сказал Рамиль.

Ленты от венка переплелись на моей шее, а в горле цвели лопухи молчания. Я потрогала свои глаза с проволочными ресницами, на которых больше не будет хрусталя слез. Потрогала свой рот, мышцы лица ныли от напряжения. Кровавый след остывал на груди, мне становилось холодно.

Шурале подарил мне улыбку, но я чувствовала, что лазейка еще оставалась. Внутри меня тлел выбор: замалчивать свою боль или выплеснуть ее, как гной из нарыва — тогда Шурале слезет с моей спины. Эта неделя будет либо слишком длинной, если я не решусь, либо слишком короткой, если всё-таки смогу.

96

Когда огонь сделался пониже, деревенские по очереди стали через него прыгать. Я почувствовала к ним какие-то теплые, нежные чувства. Поняла, чем мы так похожи, помимо венков на голове.

Рамиль не замечал во мне никаких изменений, запирал меня в темнице своими крепкими объятьями. Зульфия смотрела на меня, и во взгляде ее читалось понимание. Она дошила узор и, надев рубашку на полено, мирно покачивала его в своих руках. Она свой выбор сделала, пора и мне было делать свой.

Я ощутила, как нитки у рта порвались, и уголки губ рухнули вниз.

— Нам надо поговорить о том, что случилось, — сказала я Рамилю.

Ред.: Ирина Натфуллина

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://natelit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

